

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА

2024 РОССИЯ И МИР

МОСКВА 2019
MOSCOW 2019

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
имени Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЯ И МИР: 2024

ЭКОНОМИКА И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2019

УДК 338.27
ББК 65.5 (2Рос)
65.23
Рос74

Руководители проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский

Рецензенты:

доктор экономических наук Л.С. Вартазарова
Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации В.И. Трубников

Авторский коллектив:

С.А. Афонцев, К.Р. Вода, П.А. Гудев, А.А. Давыдов, О.В. Давыдов, С.В. Жуков, В.Ю. Журавлева,
В.С. Загашвили, А.В. Загорский, Е.А. Канаев, С.В. Кислицын, И.Я. Кобринская, Н.А. Кожанов,
А.В. Ломанов, С.А. Луконин, Д.Б. Малышева, Г.И. Мачавариани, Д.Д. Меджидова, В.В. Михеев,
Л.М. Самарская, И.А. Свистунова, Э.Г. Соловьев, Н.Ю. Сурков, С.В. Уткин, А.Н. Федоровский,
Б.Е. Фрумкин, В.Г. Швыдко

Ответственные редакторы – И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани

Рос 74

Россия и мир: 2024. Экономика и внешняя политика / Рук. проекта – А.А. Дынкин,
В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 42 с.

ISBN 978-5-9535-0563-5

DOI:10.20542/978-5-9535-0563-5

Доклад ИМЭМО «Россия и мир: 2024» – прогноз развития мировой экономики и международных отношений на обозримую среднесрочную пятилетнюю перспективу. Горизонт 2024 года обусловлен как политическим календарем, так и динамикой ключевых процессов в мировой политике, безопасности и торгово-экономической сфере. В подготовке доклада был использован многолетний опыт прогнозных исследований (ежегодных и стратегических), проводимых ИМЭМО РАН. Анализируются основные внешние вызовы для России и возможности ответа на них.

**Russia and the World: 2024. Economy and Foreign Policy / Project leads – A.A. Dynkin,
V.G. Baranovsky. – Moscow, IMEMO, 2019. – 42 p.**

ISBN 978-5-9535-0563-5

DOI:10.20542/978-5-9535-0563-5

IMEMO report "Russia and the world: 2024" - forecast of the world economy and international relations for the foreseeable medium-term five-year perspective. The horizon of 2024 is determined by both the political calendar and the dynamics of key processes in world politics, security and trade-economic sphere. The report is based on the decades long IMEMO experience in forecast (annual and strategic) research. It analyzes main challenges for Russia and options to respond them.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <https://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0563-5

© ИМЭМО РАН, 2019

РОССИЯ И МИР: 2024

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТRENДЫ	6
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА	8
РОССИЯ	14
КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ	16
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ	19
ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	25
БЛИЖНИЙ ВОСТОК	28
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО	32
ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ	37

ВВЕДЕНИЕ

Доклад ИМЭМО «Россия и мир: 2024» представляет прогноз развития мировой политики и экономики на обозримую среднесрочную пятилетнюю перспективу. В его подготовке был использован многолетний опыт прогнозных исследований (ежегодных и стратегических), проводимых ИМЭМО РАН. Выбор горизонта 2024 года обусловлен как политическим календарем, так и динамикой ключевых мировых процессов, прежде всего, в торгово-экономической сфере и в области безопасности.

В прогнозируемый период должны планомерно завершиться и начаться новые политические циклы в России, США, Евросоюзе. В Китае между съездами КПК в 2022 и 2027 гг. эксперты также ожидают начала плавной передачи власти новому поколению лидеров. В течение пятилетия, вероятно, примут более ясные очертания сдвиги в политических ландшафтах во Франции и Германии, пост-Брекзит Великобритании и Евросоюза в целом, станет понятнее, смогут ли и каким образом справиться ведущие западные страны и институты с признаваемым ими кризисом либеральной демократии.

К 2024 г. определится на более длительную перспективу дискурс развития мировой торговли, что зависит от позиции Соединенных Штатов, но не только. Не окажется ли мир к середине 2020-х в эпохе новой торгово-экономической и технологической биполярности (США-Китай)? Возобладают ли, станут ли «новой нормой» торговые войны, протекционизм и двусторонние форматы и выживет ли ВТО? Как будут адаптироваться к этим условиям устоявшиеся интеграционные структуры (ЕС, ЕАЭС)? Смогут ли закрепиться новые центры силы (прежде всего страны АТР) в торгово-экономической сфере?

В сфере контроля над вооружениями в прогнозе-2024 при условно позитивном сценарии, эксперты не прогнозируют до середины 2020-х гг. старта новой гонки вооружений. Однако шаги, предпринятые в начале десятилетия, уже в 2020 г., могут оказать долгосрочное влияние и предопределить развитие как самих вооружений, так и мер и форматов контроля над их ростом и распространением.

За традиционной «геополитической» структурой работы, схожей с ежегодными прогнозами ИМЭМО, в то же время просматриваются новые региональные и глобальные тенденции в мировой политике.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ

Основные из них – стремительное *ускорение* изменений, возникающее отчасти из-за синергии динамики ряда процессов и факторов. Прежде всего, это развитие новых технологий и набирающая темп *смена технологических укладов*. Отдельный аспект – появление на этой основе новых видов вооружений, которые потребуют создания соответствующей им системы контроля над вооружениями.

Одновременно технологические сдвиги ведут к глубоким изменениям в *производственной и общественно-социальной сферах*. Равно, действуя на опережение, борющийся за лидерство Китай уже сейчас *формирует глобальную юридическую и институциональную основу* для использования будущих технологий телекоммуникационных сетей 5G. Что, по мнению экспертов, является одним из потенциальных вызовов для России, чреватых потерей суверенитета в области телекоммуникаций и сопутствующих отраслях, например, разработке программного обеспечения.

Ускорение изменениям мирового порядка придает и *климатическая глобальная повестка*. С высокой вероятностью в течение ближайшего пятилетия глобальное потепление способно стать одним из важнейших факторов, определяющих сценарии развития на национальном, региональном и глобальном уровнях – от Арктики до Африки. Эксперты отмечают изменения климата как один из явно *конфликтогенных факторов* на Ближнем Востоке и в Азии в целом. Глобальное потепление существенно повлияет на мировую карту грузоперевозок; уже меняется алгоритм продовольственной безопасности – агропродовольственная карта мира и экспортно-импортная структура торговли продовольствием; потребуются и новые жизненно важные технологические решения.

На глобальном политическом уровне в этой сфере, как и во многих других, позиция США при администрации Д. Трампа оказалась ортодоксально унилатералистской, разрушительной. Тем временем Парижское соглашение по климату требует согласованных действий. «Кого не научил финансовый кризис, тому задаст урок климатический кризис: неолиберализм несет смерть нашей цивилизации», предупреждает в статье с этим названием Дж. Стиглиц. С заявкой на лидерство также уже выступил Китай.

Экологическая повестка, с большой вероятностью, станет одной из ключевых и на национальном политическом уровне. *Рассерженные граждане, протестные движения все чаще находят нишу в движении «зеленых»*. Их поддержка стремительно растет, особенно в Европе, что показали выборы в Европейский парламент. Феномен Греты Тунберг в обозримой перспективе из яркого мема может превратиться в серьезную глобальную проблему. «Зеленое» движение, нередко с радикальными элементами и поддерживаемое молодежью, используется как политический таран, радикализующий и дестабилизирующий внутривнутриполитический баланс.

Молодые «зеленые» или «зеленая» молодежь, выступающие под лозунгом «не украдите наше будущее», мощно подпитывает *популистские протестные настроения и движения*, не имеющие конструктивной программы и не воспринимающие рациональные аргументы. Позиция «здесь и сейчас любой ценой» не только не способствует реальному решению

глобальных проблем, не повышает ответственность, но дестабилизирует общества, препятствует поиску консолидированных решений.

Самостоятельным вызовом для большинства государств мира, включая Россию, станет *синергия* упомянутых выше *активизации молодых поколений и роста протестных настроений и популизма*.

Парадоксально на фоне старения и демографических проблем в предстоящем пятилетии развитые экономики в полной мере столкнутся с политической активизацией молодого поколения - свободного от тяжелого ежедневного труда, существенно десоциализированного и интравертного по вине Интернета, но им же моментально объединяемого в протестных сетях, недовольного социальными дисбалансами и не видящего перспектив. При этом омоложение элит и политического истеблишмента идет значительно медленнее, особенно в США. Эксперты отмечают там разрыв в нравственных ценностях между истеблишментом и молодым поколением как один из существенных *факторов политической поляризации*.

Несколько меньше этот разрыв в странах Евросоюза, где омоложение элит идет быстрее, что мы увидим в предстоящее пятилетие. Но при этом в Европе наблюдается другой парадокс. Если элиты переадресуют вину за «беды» последних пяти лет, прежде всего миграцию, Брюсселю и проявляют, скорее, евроскептицизм, апогеем чего стал Брекзит, то молодежь, напротив, больше выступает за европейскую интеграцию. Однако социологи считают такие настроения в значительной степени проявлением исторического пессимизма, фрустрации, неверия в будущее и просто инфантилизма – ЕС «за них сделает». Анализируя причины бунтов 2018-2019 гг. в экономически процветающих Париже, Гонконге и Сантьяго, Дж. Сакс утверждает, что они происходят тогда, когда «ощущение несправедливости начинает сочетаться с ощущением снижения социальной мобильности», *когда элиты и правительства теряют связь с обществом* и не знают о его настроениях.

Все указанные тенденции будут оказывать возрастающее влияние на идущую *трансформацию мирового порядка*. Трудно ожидать, что к 2024 году явно проступят его новые очертания. Основываясь на проведенном экспертами ИМЭМО анализе, также трудно прогнозировать возникновение «чрезвычайных обстоятельств», которые, как пишет Г. Киссинджер, нужны для появления нового мирового порядка. При сохранении значительных неопределенностей, прежде всего, касающихся Соединенных Штатов, на основных региональных направлениях эксперты не прогнозируют резкого отклонения от текущих тенденций во внутривнутриполитическом развитии государств и в их внешней политике.

В то же время, учитывая напряженность на Ближнем Востоке, общую деградацию международно-правовых режимов, прежде всего системы контроля над вооружениями, партикулярную активность акторов второго ряда (малых государств) и несистемных игроков, с одной стороны, а с другой, доминирующий в СМИ, но главное в Сети, тенденциозный и/или намеренно фейковый характер подачи информации, нельзя исключать появления *«черных лебедей»*, которые могут резко дестабилизировать международную обстановку.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В первом десятилетии XXI века мировая экономика росла среднегодовыми темпами 3,9%, во втором десятилетии (2011-2019 гг.) темпы прироста снизились до 3,6%. До 2024 г., по нашим прогнозам, темпы роста повысятся до 3,7%.

Развитие мировой экономики на этот период (2020–2024 гг.) будет определяться *следующими факторами*:

- повышением вероятности нового кризисного сбоя в динамике реального и финансового сектора, обусловленного угрозой начала полномасштабной торговой войны между США и КНР, а также обострением геополитических противоречий в ключевых регионах мира;
- ограниченными возможностями использования традиционных инструментов макроэкономического регулирования для стимулирования роста экономики ведущих развитых стран и стран с развивающимися рынками;
- влиянием технологических сдвигов, поддержанных мерами стимулирования ресурсосберегающих решений (направленных, в первую очередь, на радикальное снижение интенсивности использования углеводородного сырья).

Угроза торговых войн будет оставаться главным фактором неопределенности, способным вызвать масштабный кризис в мировой экономике. Объем мировой торговли, на которые распространяются вновь введенные странами «Большой двадцатки» торговые ограничения, в период с июня 2018 г. по ноябрь 2019 г. достиг 1277 млрд. долл. (для сравнения, за весь период наблюдений с мая 2012 г. по июнь 2017 г. их охват составил лишь 826 млрд. долл.). В начале 2020 г. ожидается подписание первой части торгового соглашения США и Китая, которое будет способствовать росту двусторонней торговли и мировой торговли, в целом. Это будет содействовать поддержанию экономического роста не только США и Китая, но и мировой экономики, в целом. Однако подписание второй части соглашения может потребовать гораздо большего времени и политической воли. Вместе с тем, вероятность того, что перед президентскими выборами в США администрация Д. Трампа прибегнет к дополнительному повышению торговых барьеров, остается высокой. В этом случае победа Д. Трампа на выборах 2020 г. может привести к дальнейшим шагам по усилению протекционистского курса в политике США, за чем неизбежно последует аналогичный ответ со стороны КНР. Результатом может стать обвал фондовых рынков США и ведущих экспортноориентированных экономик (в первую очередь КНР, Германии и Японии, а среди стран-экспортеров сырья – Бразилии и России).

Дополнительным фактором неопределенности на глобальных рынках является возможный *рост геополитической напряженности в отдельных регионах мира*, прежде всего в районе Персидского залива (эскалация противоречий между Ираном и Саудовской Аравией), а также на Корейском полуострове (проблема ядерной программы Северной Кореи) и в Южно-Китайском море (особенно в том случае, если на проблему разграничения особых экономических зон наложится обострение ситуации вокруг Тайваня). С точки зрения европейской экономики, заметный ущерб может быть нанесен перебоями поставок российского газа в Европу в случае нарушения транзита газа через территорию Украины, поскольку мощности строящихся газопроводов «Северный поток – 2» и «Турецкий поток» будут введены в строй позднее. Масштабы соответствующих проблем, однако, с высокой вероятностью не выйдут за пределы периода 2020–2021 гг., в течение которого они могут привести к замедлению роста экономики стран Европы на 0,3–0,5 процентных пунктов. Аналогичным образом, кумулятивное влияние проблемы Брекзита на экономику ЕС в период до 2024 г. не превысит 1,3–1,8 процентных пунктов.

При этом необходимо констатировать, что *на сегодняшний день отсутствуют признаки, свидетельствующие о развитии тенденций, необратимо ведущих к развитию кризисных процессов* в мировой экономике. В экономически развитых странах наблюдаются устойчиво высокие темпы роста под влиянием эффективных финансовых стимулов (включая США, где рост ВВП в III квартале 2019 г. составил 2,1%) и восстановления после серии негативных шоков (страны Еврозоны, включая Германию, где в III квартале 2019 г. был зафиксирован рост ВВП на 0,5% несмотря на масштабные опасения спада экспорта перед лицом угрозы развертывания глобальных торговых войн). При этом пессимистические прогнозы МВФ, согласно которым темпы роста экономики США снизятся до 1,7% в 2019–2020 гг. и 1,6% в 2024 г. по сравнению с 2,3% в 2018 г., следует считать скорее сигналом обеспокоенности относительно нынешнего курса внешнеторговой политики США, чем отражением реальных ограничений роста американской экономики. По нашим прогнозам, экономика США в 2019–2020 гг. будет расти темпом 2,4%, а в 2021–2024 гг. – 2,6%, развитые страны будут развиваться среднегодовыми темпами 2,0%. В свою очередь, темпы роста ВВП стран с развивающимися рынками для сценариев, не предусматривающих масштабное нарастание протекционизма и, соответственно, сжатие мировой торговли, устойчиво попадают в диапазон 4,5%–5,5%. Замедление экономики Китая будет компенсировано ускоренным ростом экономики Индии. Это означает, что в случае, если угроза торговых войн будет предотвращена, мировая экономика сохранит высокие темпы развития.

Что касается *возможностей ускорения развития мировой экономики средствами экономической политики*, то на сегодняшний день они являются крайне ограниченными. Традиционные инструменты макроэкономического регулирования (включая поддержание низких процентных ставок и проведение программ количественного смягчения), позволившие существенно смягчить последствия глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., оказались не в состоянии стимулировать экономический рост на этапе выхода из кризиса. Более того, поддержание устойчиво низкого уровня процентных ставок в ведущих экономически развитых странах (1,75% в США, 0% в Евроzone и -0,1% в Японии) фактически выводит данный инструмент из числа возможных каналов позитивного влияния на реальный сектор соответствующих экономик.

В этих условиях *главным методом воздействия на рост ВВП оказывается фискальное стимулирование*, обеспечившее (вопреки многим экспертным прогнозам) значимый среднесрочный эффект на экономику США. В свою очередь, анализ практики стимулирования экономического роста посредством форсирования бюджетных расходов не дает оснований для оптимистических оценок: за исключением КНР, где позитивный эффект был обеспечен главным образом масштабом расходов (в 2018 г. бюджетный дефицит составил 4,8% ВВП, в 2019 г. может составить 6% ВВП), *заметные примеры успешного стимулирования национальных экономик бюджетными тратами отсутствуют*. Данный факт необходимо учитывать при оценке перспектив стимулирования экономики Российской Федерации посредством расходов на национальные проекты и иные масштабные инвестиционные инициативы.

В то же время ряд налоговых инициатив, сформулированных в экономически развитых странах, обладает потенциально негативным эффектом для экономического роста как в развивающихся, так и в развитых странах. *Наибольшие риски несут налоговые инициативы, связанные с декарбонизацией экономики* под предлогом борьбы с изменением климата (к их числу относятся т.н. «углеводородный налог», а также компенсирующие таможенные пошлины для стран, отказывающихся от жестких мер борьбы с изменением климата). С одной стороны, данные инициативы окажутся дополнительным бременем для налогоплательщиков и удорожат использование энергоресурсов, сокращая потенциал внутреннего спроса и повышая издержки в экономически развитых странах. С другой

стороны, они нанесут ущерб интересам стран – экспортеров углеводородного сырья, к которым относится Российская Федерация. Реализация соответствующих инициатив, представляющих собой одну из разновидностей экологически мотивированного протекционизма, в перспективе до 2024 г. может оказать негативное влияние на мировую торговлю, по масштабу сопоставимый с эффектом возможных торговых войн в период 2020–2021 гг.

Энергетика

По нашей оценке, энергоресурсы не выступят ограничением для мирового экономического роста. Предложение практически всех первичных источников энергии опережает рост спроса на нее. Вероятно обострение ценовой и неценовой конкуренции между первичными источниками энергии.

Среди ископаемых топлив продолжают слабеть позиции угля, так как значительное число развитых и развивающихся стран активно выводят уголь из электроэнергетики, руководствуясь климатическими соображениями и стремясь снизить негативное влияние выбросов от сжигания угля на здоровье населения.

Мировой рынок нефти затоварен главным образом из-за растущего экспорта сырой нефти из США. Затоваренность рынка оказывает понижающее давление на цену нефти. ОПЕК и далее будет вынуждена уступать свою долю рынка США и другим экспортерам. В случае нахождения компромиссов в торгово-экономическом противостоянии США и Китая китайский рынок вновь откроется для американской нефти, что даст дополнительный импульс «сланцевой революции». В случае масштабного военного конфликта в Персидском заливе, вероятность которого не нулевая, цена нефти может временно заметно возрасти. В свою очередь это даст дополнительный толчок развитию нефтедобычи вне зоны Ближнего Востока, в том числе в США.

Затоваренность рынка сжиженного природного газа сохранится, как минимум, до 2022 г., что будет оказывать понижающее давление на цену газа в Европе. Тенденция к формированию мирового рынка газа ускорится, что может перевести цены на газ на более низкую ценовую траекторию.

В случае переизбрания Д. Трампа на второй президентский срок американские нефтяные и газовые компании получат дополнительные стимулы развития.

Глобальный экологический саммит в Испании (декабрь 2019 г.) подтвердил приверженность решению задачи по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу. Однако мировое сообщество не предложило работающего механизма финансирования этих усилий в бедных странах с низким уровнем развития. Имплементация требований низкоуглеводного развития продолжится преимущественно в самых богатых странах Евросоюза. Китай и Индия также будут стремиться снизить выбросы парниковых газов, так как их растущая эмиссия все более негативно сказывается на здоровье населения.

Агропродовольственные товары

До 2024 г. изменения в мировом агропродовольственном хозяйстве и торговле будут определяться в основном сложившимися трендами спроса и предложения. Динамика глобального спроса будет определяться ожидаемым невысоким (около 1%) годовым приростом мирового населения и глобальным экономическим ростом в 3,6-3,7%. В

развивающихся странах прирост населения составит 1,15%, экономический рост – 5,0%. Изменения в его структуре будут связаны, прежде всего, с ростом доли молодежи в населении развивающихся стран, урбанизацией, сменой моделей и форм потребления продуктов питания (в т.ч. экологизацией и кастомизацией) и могут привести к снижению среднедушевого потребления продуктов питания. По оценке ФАО и ОЭСР, это касается базовых видов продовольствия, в т.ч. зерновых, корне- и клубнеплодов, потребление которых во многих странах близко к уровню насыщения. Рост спроса на мясные продукты замедлится, в том числе в виду недостаточных доходов населения. Одновременно возрастет спрос на продукцию молочной промышленности.

По имеющимся прогнозам, продуктивность сельскохозяйственного производства будет опережать рост спроса, что обусловит некоторое снижение цен на ряд базовых видов продовольствия. Однако этот процесс не коснется регионов с быстрым ростом населения. Поэтому *конкурентная и предсказуемая мировая торговля, а в необходимых случаях и международная продовольственная помощь, останутся важными факторами обеспечения глобальной продовольственной безопасности.* По оценкам ФАО и Минсельхоза США, объем мировой торговли с 2017-2018 сельскохозяйственного года по 2023-2024 сельскохозяйственный год возрастет: пшеницей – до 200 млн т. или на 10%; кукурузой – до 175 млн т. или на 20%; свининой – до 9,4 млн т. или на 18%; мясом птицы – до 14,5 млн т. или на 20%; сливочным маслом – до 1,2 млн т. или на 10%; обезжиренным сухим молоком – до 2,9 млн т. или на 10%.

Мировая торговля

В период ускоренного развития глобализации, во второй половине XX в., мировая торговля опережала мировой ВВП примерно в 1,5 раза. Особенно высокого уровня (более 2,0) показатель эластичности торговли по ВВП достиг в 1990-е годы. В первом десятилетии XXI в. он находился в интервале 1,5-2,0, а после кризиса 2008-2009 гг. наблюдалось его резкое падение – до значения менее 1,0 в отдельные годы. В 2017 г. отношение темпов прироста оборота мировой торговли к темпам прироста мирового ВВП вернулось к соотношению 1,5. Однако в 2018 г. данный показатель вновь уменьшился и составил 1,4, а в 2019 г., когда рост мировой торговли еще более замедлился, он упал до 0,5. За период с 2008 г. по 2018 г. как мировой ВВП, так и мировая торговля увеличились на 26%.

В 2018-2019 гг. решающую роль в замедлении роста мировой торговли сыграла торговая война, развернутая США в отношении основных торговых партнеров, прежде всего, Китая. Вашингтон вышел из подписанного предыдущей администрацией соглашения о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП), приостановил подготовку соглашения о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с ЕС (ТТИП), настоял на переоформлении Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) и заявил о необходимости пересмотра норм ВТО, которые в своем существующем виде уже не отвечают американским интересам.

Нормализация отношений между двумя лидерами мировой торговли, несомненно, будет способствовать ускорению ее развития. По оценке ВТО, в 2020 г. прирост объема мировой торговли товарами составит около 2,7%, что примерно в 2 раза превышает показатель прироста за 2019 г. По всей вероятности, коэффициент эластичности торговли по ВВП до 2024 г. будет находиться в интервале 1,0-1,3.

На высоком уровне остаются риски, связанные с общим состоянием глобальной экономики. Существуют определенные опасения в отношении перспектив устойчивости экономического роста в США и КНР, а также сомнения в способности международной финансовой системы

обеспечить условия для бесперебойного функционирования кредитной и денежной сферы.

Конфигурация международной торговли может претерпеть значительные изменения под влиянием новых правил налогообложения, инициированных странами ОЭСР. При этом корпорации будут платить налоги пропорционально прибыли, извлекаемой из операций в той или иной стране. Данное нововведение существенно уменьшит, если не сведет на нет, привлекательность налоговых убежищ и всего офшорного бизнеса.

Распространение цифровых технологий будет способствовать ускорению роста международного оборота, увеличению доли услуг, а также уменьшению транзакционных издержек, что, в частности, сделает участие во внешнеторговых операциях более доступным для предприятий малого и среднего бизнеса. Рост применения цифровых технологий потребует увеличения пропускной способности систем связи, обеспечения защиты от взлома и одновременно открытого и беспрепятственного международного обмена информацией. Среди факторов инвестиционной привлекательности стран возрастет значение развитости цифровой инфраструктуры, а также качества регулирования цифрового обмена и защиты прав интеллектуальной собственности. Соответственно, возможности развивающихся стран по укреплению своих позиций в мировой экономике будут в растущей степени зависеть от преодоления цифрового разрыва между ними и развитыми странами.

Начавшийся процесс возвращения производства в развитые страны продолжится, но на новой технологической основе. Основную роль при этом сыграют не только удорожание рабочей силы в развивающихся странах, но и появление новых материалов, совершенствование технологии 3Д-печати, автоматизация и роботизация, которые позволят приблизить производство к местам потребления. В пользу возвращения производства в развитые страны будет действовать также увеличение доли возобновляемых источников в энергобалансе, сокращение энергоемкости производства и потребления, расширение собственной энерго-сырьевой базы за счет новых методов извлечения и переработки минеральных ресурсов.

Повышение благосостояния населения в развивающихся странах приведет к расширению его платежеспособного спроса. В результате растущая часть производимой в них продукции будет реализовываться на внутреннем рынке. Одновременно продолжение индустриализации увеличит их собственные производственные возможности и уменьшит потребности в получении изделий из-за рубежа, а выход на постиндустриальную стадию с освоением передовых технологий распространит на страны-лидеры из развивающегося мира тенденции, которые ведут к уменьшению участия национальной экономики в обмене товарами и увеличению вовлеченности в торговлю услугами.

Неопределенность, порождаемая торговыми конфликтами, будет сдерживать развитие международных инвестиций, транснационального производства и, соответственно, товарооборота, осуществляемого в рамках глобальных цепочек стоимости (ГЦС). В то же время приближение конечного производства к местам потребления будет способствовать уменьшению доли готовой продукции и увеличению доли комплектующих изделий, нематериальных активов и услуг в международной торговле.

Как мы уже указывали, одним из негативных факторов, тормозящих развитие, будут торговые противоречия между США и Китаем, первые шаги по урегулированию которых будут предприняты уже в начале 2020 г. Другим негативным фактором может оказаться Брекзит. Однако три года переговоров позволили всем экономическим агентам учесть этот

фактор в своей деятельности и подготовиться. Таким образом, по нашей оценке, эти факторы не окажут катастрофического воздействия на мировую торговлю, и она не превратится в тормоз мирового развития. Рост мировой торговли в последующие годы превысит 3,0%. В результате, спрос на товары российского экспорта будет, на наш взгляд, оставаться стабильным.

Таблица. Темпы прироста ВВП, %

	1991-2000	2001-2010	2011-2019	2020-2024
Мир	3,2	3,9	3,6	3,7
Развитые страны	2,7	1,7	1,9	2,0
США	3,4	1,7	2,3	2,6
Япония	1,3	0,6	1,0	1,0
Зона евро	2,2	1,2	1,3	1,4
ЕС	2,2	1,5	1,6	1,6
Германия	1,9	0,9	1,7	1,4
Франция	2,1	1,3	1,3	1,4
Италия	1,6	0,3	0,1	0,9
Великобритания	2,5	1,6	1,9	1,6
Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой	4,0	6,6	5,0	5,0
КНР	10,4	10,5	7,3	5,7
Индия	5,6	7,5	6,9	7,4
Бразилия	2,4	3,7	0,6	2,4
Россия	-3,9	4,8	1,6	2,7

Источники: IMF WEO Database, прогноз - ИМЭМО

РОССИЯ

Россия, значительно укрепившая в последние годы свои позиции в мировой политике, в перспективе до 2024 г. будет продолжать курс на дальнейшее повышение *независимой роли в международных делах, оставаясь при этом открытой к взаимовыгодному сотрудничеству.*

Внутренний календарь Российской Федерации лишь опосредованно зависит от внешнего. Предстоящее пятилетие будет посвящено подготовке к выборам 2024 г. и усилиям по реформированию экономики. Российская элита и власть осознают прямую зависимость успешности России в мировой политике, особенно в средне- и долгосрочной перспективе, от качественного улучшения внутренней социально-экономической ситуации, поддержания статуса высоко технологически развитой страны.

На горизонте 2024 г. у России, как страны с положительным экологическим рейтингом есть серьезный потенциал выступить в качестве *одного из лидеров решения климатических проблем.* Консолидация ответственных сил на экологической платформе (наряду с Россией в их числе Франция, Германия, Китай) также может позволить начать формировать новую экзистенциальную общность, которая объединит заинтересованные страны с различными этно-религиозными традициями, своего рода Ноев ковчег 21 века.

В геополитической плоскости задачи, стоящие перед страной, вероятно, приобретут еще более многосоставной, комплексный характер.

При позитивном сценарии, в ближайшее пятилетие, а возможно и в более близком будущем, Россию ждет сложный период постепенного восстановления рабочих отношений со странами Запада. Алгоритм и динамика нормализации отчасти будут зависеть от результатов выборов 2020 г. в США. Победа республиканцев, то есть *большая свобода Д. Трампа* во втором президентстве, не исключено, может открыть возможность восстановления диалога, большего влияния личной «химии» на высоком уровне. Это не отменит ни доминанты антироссийских настроений в Вашингтоне, ни непредсказуемости администрации, ни принципиальных разногласий. В то же время «республиканский сценарий» может означать еще большее недопонимание с союзниками в Европе и, значит, расширение опций по нормализации отношений России с Евросоюзом и его лидерами – Францией и Германией. В случае победы демократов – при сохранении перечисленного негатива – не исключено, может снизиться острота противоречий по Ирану, возможно возобновится диалог в сфере ядерного разоружения. Обе опции сохраняют высокие риски, связанные с темой «токсичности» России, хотя эта волна пойдет на убыль.

В целом, хотя ожидать в прогнозируемый период кардинального изменения характера отношений России с Западом не приходится, возобладание прагматизма и нормальности, что подразумевает снятие санкционных ограничений и укрепление взаимодействия в сфере противодействия глобальным вызовам и угрозам (региональным конфликтам, терроризму, радикальному экстремизму, нелегальной миграции, распространению ОМУ), представляется достаточно зримым сценарием.

Активная роль Москвы как медиатора на Ближнем Востоке останется одной из приоритетных. Помимо собственно успешного решения задач по урегулированию

конфликтов, эта политика позволяет: укреплять позиции страны в регионе (в перспективе и экономические); как показал Африканский саммит в Сочи, дальше расширять ареал заметного российского присутствия; поддерживать рабочий «полевой» диалог с Соединенными Штатами.

В рассматриваемой перспективе Россия продолжит, и, видимо, усилит многостороннюю активность в Индо-Тихоокеанской Азии – будет развивать сотрудничество с проявляющими интерес к этому странами, прежде всего, с Индией, Южной Кореей, с Японией (хотя урегулировать территориальные споры не удастся), Вьетнамом, странами АСЕАН, по ядерной проблеме КНДР.

Главным партнером России в Азиатско-Тихоокеанском регионе останется быстро наращивающий свое присутствие в регионе и за его пределами Китай. Расширение торгово-экономического и технологического сотрудничества с КНР потребует от России максимальной концентрации усилий, ибо основной задачей РФ остается выстраивание самостоятельной и сбалансированной структуры взаимоотношений в Евразии.

Опцией, которую в этих целях с высокой вероятностью будет все активнее использовать Россия, является развитие многосторонних форматов с участием Китая, прежде всего ШОС, и сопряжение китайских инициатив, в первую очередь проекта Пояс и Путь, с проектами, где ведущую роль играет Москва – ЕАЭС, международный транспортный коридор “Север-Юг”. Вовлечение Китая в переговоры по контролю над вооружениями, где Россия может сыграть ключевую роль, лежит за пределами рассматриваемого горизонта 2024 г.

В развитии ситуации на постсоветском пространстве наибольшая неопределенность в ближайшей перспективе связана с Украиной. Если в течение 2020 г. удастся прийти к компромиссу по конфликту на Востоке Украины, будь то его поэтапному урегулированию или замораживанию на неопределенный период, но с гарантией прекращения боестолкновений, а президент В. Зеленский сможет найти приемлемую для элит и общества формулу, чтобы достигнутые соглашения были ими приняты, а иными словами, сохранит власть, Украина сможет развивать экономику и социальную сферу, и реально восстановительными темпами. Москва и Киев смогут поддерживать рабочие отношения, однако ожидать их нормализации до 2024 г. сложно.

При пессимистическом сценарии, если не будут исполнены два вышеуказанных условия, Украину ждет безвременье, внутренняя борьба, ухудшение социально-экономической ситуации. При этом антироссийская карта останется одной из главных во внутривосточной борьбе.

Постсоветское пространство может утвердить себя как приоритетное в российской внешнеполитической стратегии. Причем в предстоящее пятилетие ситуация на нем будет развиваться в новом контексте. Его характеризуют три ключевых фактора: объективное снижение внимания Запада (как Евросоюза, так и США) к этому ареалу; растущая активность на постсоветском пространстве Китая; постепенная нормализация отношений России с США и Евросоюзом.

В этих условиях у новых независимых государств будет сокращаться маневр для игры на противоречиях России и Запада и одновременно возрастать озабоченность в отношении стратегии Китая с тем, чтобы ключевой стратегемой их развития осталось сохранение суверенитета и независимости.

В этой ситуации Россия с высокой вероятностью продолжит следовать наметившейся в последнее время трехуровневой стратегии, а именно: развитие прагматичных двусторонних отношений; углубление интеграции и повышение эффективности Евразийского экономического союза (и ОДКБ); двустороннее и институциональное взаимодействие с постсоветскими государствами в рамках иных международных организаций и инициатив. Наибольшую трудность, как и ранее, будет представлять соблюдение баланса интересов государств, находящихся в состоянии «замороженных конфликтов».

Стратегической задачей России в обозримый период является создание Большого евразийского пространства, как цивилизационной общности и пространства процветания и, конечно, евразийской архитектуры безопасности. И в этом плане Россия будет прилагать усилия, чтобы повысить свою экономическую, технологическую и гуманитарную привлекательность для стран-соседей. Достижение этих целей возможно лишь, как указывалось выше, при условии качественного улучшения в России социально-экономической ситуации и поддержания ею статуса высоко технологически развитой страны.

КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

В предстоящие пять лет будет сохраняться высокий уровень неопределенности в том, что касается судьбы ряда существующих и перспектив новых договоренностей в области контроля над вооружениями. США, НАТО, России и КНР предстоит принять решения, многие из которых труднопредсказуемы, но способны развивать ситуацию как по пессимистическому (возобновление гонки вооружений, включая ядерные), так и оптимистическому (возрождение контроля над вооружениями) сценарию. Многие из предстоящих решений будут иметь отложенный эффект, который проявится только после 2024 г.

По состоянию на начало 2020 г. принятие всеми сторонами решений в русле оптимистического сценария, независимо от исхода президентских выборов в США, представляется намного менее вероятным. В то же время сохраняются возможности для минимизации негативных последствий таких решений и нейтрализации современных негативных трендов. Поэтому *наиболее вероятным на предстоящие пять лет представляется промежуточный сценарий (ни контроля над вооружениями, ни гонки вооружений)* с возможными отклонениями в сторону как оптимистического, так и пессимистического сценария.

1. В 2020 г. одним из ключевых должно стать решение президента США о продлении до 2026 г. или не продлении договора 2010 г. о мерах по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). *Вероятность продления ДСНВ сегодня*

возрастает (более 50%). Его продление могло бы минимизировать значительную часть негативных последствий развала существующих механизмов контроля над вооружениями и способствовать предотвращению гонки вооружений, позволить выиграть время для достижения новой договоренности России и США по контролю над ядерными вооружениями. В случае продления, наибольший политический эффект можно ожидать до начала в апреле обзорной конференции по ДНЯО. После апреля 2020 г. вероятность продления ДСНВ может снижаться.

2. Независимо от того, будет ли продлен ДСНВ, *возобновление гонки стратегических наступательных ядерных вооружений России и США в обозримой перспективе маловероятно*. Программа развития ядерных сил США на предстоящие 10 лет не предусматривает превышения установленных Договором количественных ограничений. Не предусмотрено их превышение и планами России. Если после выборов 2020 г. США пересмотрят программу развития стратегических сил в сторону повышения, ее реализация лежит далеко за пределами рассматриваемого периода. Более вероятно принятие США масштабной программы НИОКР по разработке новых военных технологий и систем вооружений, включая основанные на новых физических принципах.

Основным следствием развала режима ДСНВ стала бы *утрата взаимной транспарентности и предсказуемости в развитии СЯС двух стран*. Прекращение обмена информацией, свертывание верификационных процедур и роспуск механизма регулярных консультаций крайне негативно сказались бы на поддержании стратегической стабильности и в более отдаленной перспективе способствовали бы возобновлению гонки ядерных вооружений. Эти негативные последствия в значительной мере можно минимизировать в случае возобновления российско-американских переговоров по стратегической стабильности.

3. Выход США в 2019 г. из Договора по ракетам средней и меньшей дальности (ДРСМД) *не влечет за собой автоматически начала развертывания американских ракет средней дальности (РСД) наземного базирования*. При пессимистическом сценарии ближе к 2024 г. возможно принятие решения о размещении некоторого количества американских РСД в Европе и, прежде всего, в АТР. Но вероятность такого решения в силу ряда технических и политических причин невысока, а его практическая реализация в любом случае лежит за горизонтом 2024 г.

При любом стечении обстоятельств *вероятность развертывания в Европе РСД в ядерном оснащении крайне мала* и в настоящее время не обсуждается. Более вероятно принятие США к 2024 г. или позже решения о том, чтобы вернуться к ядерному оснащению крылатых ракет морского базирования.

4. Вероятность возобновления в ближайшей перспективе переговоров США и РФ по стратегической стабильности невысока, независимо от исхода выборов в США. Она может возрасти к 2024 г., но незначительно. Наиболее вероятный вариант – продолжение межправительственных консультаций. *Подписание, и тем более ратификация нового соглашения до 2024 г. практически исключены* даже в случае продления ДСНВ.

В период до 2024 г. и в обозримый период времени за этим горизонтом *практически исключено начало переговоров по ограничению ядерных вооружений в расширенном составе*,

в частности, с подключением к ним Китая. Если в повестку дня вернется вопрос о дальнейшем сокращении ядерного оружия, то его следующий этап будет двусторонним (Россия и США).

Это не исключает начало неформальных двусторонних (США–КНР) или трехсторонних (с участием России) консультаций по встающим в повестку дня вопросам, связанным с распространением ракетных технологий (не только наземного, но морского и воздушного базирования). Но даже за горизонтом 2024 г. трудно представить достижение договоренности, ограничивающей, ведущей к сокращению и, тем более, к ликвидации ракетных вооружений различной дальности в неядерном оснащении. Речь может идти о согласовании правил (в частности, не оснащать крылатые ракеты ядерными боеголовками) или кодекса поведения в данной области на более позднем этапе.

5. Предстоящая реализация третьей (завершающей) фазы *развертывания систем ПРО США* в Европе, намеченная на 2020 г. (не исключена очередная отсрочка их развертывания в Польше, но ненадолго), а также продолжение развертывания систем ПРО в союзных с США странах Восточной Азии в нынешних условиях будут препятствовать возобновлению переговоров по контролю над ядерным оружием и достижению прогресса в ходе неофициальных консультаций.

6. В случае не продления ДСНВ неизбежно обострение споров в рамках процесса обзора выполнения ДНЯО, усиление политического давления на ядерные державы и расширение круга государств, поддерживающих Договор о запрещении ядерного оружия, подписанный в 2018 г. Высока вероятность, что обзорная конференция по ДНЯО в апреле 2020 г. усилит размежевание ее основных участников. Споры продолжатся и в рамках ежегодных заседаний Подготовительного комитета обзорных конференций. Однако *распад режима ДНЯО (выход из него ряда государств) маловероятен как до проведения следующей обзорной конференции в 2025 г., так и после нее.*

7. *Высока вероятность сохранения нынешнего статус-кво в сфере контроля над обычными вооружениями в Европе.* Соответственно, маловероятно начало переговоров или даже консультаций между Россией и странами НАТО об ограничении военной деятельности в Европе и, особенно, в зонах их непосредственного соприкосновения в Балтийском и Черноморском регионах. В то же время реэскалация вооруженного конфликта на Востоке Украины могла бы подтолкнуть НАТО к изменению сложившегося статус-кво и к дальнейшему наращиванию военного присутствия на восточном фланге альянса. Обеспечение же действенного прекращения огня и разъединение сил в зоне конфликта способствовало бы стабилизации нынешнего положения и достижению договоренности как минимум о мерах военной сдержанности в соответствующих регионах.

8. *Вероятность выхода США из Договора по открытому небу, обсуждаемого с 2019 г., в случае переизбрания Д. Трампа, скорее всего, возрастет (более 50%).* В этом случае Россия также может выйти из Договора. Это осложнит достижение договоренности по обычным вооружениям в Европе. Однако эффект от фактически неизбежного в таком случае развала режима Открытого неба может быть смягчен в случае продления ДСНВ.

9. Все большее влияние на решения по вопросам развития вооружений, контроля над вооружениями и поддержания стратегической стабильности будет оказывать *развитие новых технологий, включая разработку оружия, основанного на новых физических принципах и в особенности – внедрение в военную сферу современных разработок в области искусственного интеллекта*. Дискуссия по этим вопросам только начинается, достижение до 2024 г. каких-либо комплексных договоренностей по ним маловероятно.

Делегирование автоматизированным системам принятия решений в области обороны (пока выполняющим функции анализа информации и подготовки данных для принятия решения) с высокой степенью вероятности лежит за горизонтом 2024 г., но современное технологическое развитие будет иметь, как минимум, два важных следствия для контроля над вооружениями.

Во-первых, современные технологии все больше будут повышать уровень транспарентности военной деятельности государств, обеспечиваемый «национальными техническими средствами». Это позволит осуществлять мониторинг соблюдения государствами правил («кодексов поведения»), в том числе не оформленных договорами, без проведения традиционных инспекций.

Во-вторых, в критических ситуациях все больше будет сокращаться время для принятия критических решений, повышаться риск неверной интерпретации действий других государств и непреднамеренной эскалации инцидентов, связанных с необычной военной деятельностью.

В конечном итоге оба эффекта новых технологий делают критически важным не столько форму договоренностей в области контроля над вооружениями, сколько поддержание оперативных каналов коммуникации между военным и политическим руководством стран, что позволяет снижать риск ошибок, в основе которых будет лежать полученная в одностороннем порядке и обработанная автоматизированными системами информация.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

В среднесрочной перспективе на внутреннем и внешнем треках в политике США можно выделить постоянные (рамочные) тренды и переменные составляющие, которые определяют исход выборов 2020 г.

Постоянные внутривнутриполитические тренды. В ближайшие пять лет *продолжится идейная поляризация общества и власти*. Раскол между демократами и республиканцами по линии либерал/консерватор, как на уровне партий, так и электората, достигает по ключевым вопросам 50-60%. Продолжится радикализация общественных настроений.

В основе этого среднесрочные демографические тренды – общество почти поровну поделено между либеральными молодыми и более консервативными старшими поколениями. Раскол поколений будет проявляться и на уровне политической элиты. Продолжится ее старение, она все меньше будет отражать настроения и ценности молодых поколений. Однако из-за отсутствия ограничений на число переизбраний, а также ввиду финансовых и системных

преимуществ действующих законодателей смена поколений элит будет происходить крайне медленно, и в среднесрочной перспективе возрастной состав двухпартийного истеблишмента сохранится.

В то же время, *Демократическая партия, которую поддерживает более 80% молодежи, будет быстрее обновлять свои ряды и уходить за своим электоратом в идейных взглядах все больше влево.* При сохранении в кратко- и среднесрочной перспективе крайне правого крена в Республиканской партии такое полевение демократов только усилит радикализацию партий и фактически сделает невозможным формирование общей социальной повестки.

На этом фоне будет расти недовольство граждан, они будут более открыты политическим экспериментам, поддержке неформальных лидеров, подобных действующему президенту, нарушающим правила и провоцирующим ожесточенное сопротивление системы.

Переменные внутривнутриполитические составляющие. Исход выборов 2020 г. уверенно прогнозировать нельзя. Трамп, даже с учетом ожесточенной кампании демократов по его досрочному смещению с должности, *сохраняет неплохие шансы остаться на второй срок.* С учетом экономических успехов, поддержки партии, умения Трампа общаться с толпой, заряжать своих фанатов, а также огромных средств, уже вложенных в его кандидатуру (740 млн. долл. против 680 млн. долл. всех демократических кандидатов), он способен провести успешную избирательную кампанию и переизбраться на второй срок.

В этом случае, учитывая, что с окончанием процесса импичмента демократы отыграют все свои козыри, Трамп окажется более свободным в действиях, чем в первый срок. Можно предположить, что его усилия будут направлены на дальнейшее дерегулирование экономики, а также на укрепление охраны границы с Мексикой. Однако многое будет определяться партийным раскладом в Конгрессе. Негативное отношение к президенту более половины страны вряд ли позволит республиканцам расширить представительство в законодательной власти. В лучшем случае они смогут сохранить за собой Сенат как в 2020, так и в 2022 годах. С наибольшей вероятностью в среднесрочном периоде демократы будут контролировать Палату представителей. Такой расклад чреват законодательным коллапсом и повышением законодательной инициативы президента, который будет максимально использовать исполнительные указы.

Но нельзя исключать и поражения Трампа. В случае победы демократического кандидата во внутривнутриполитическом процессе возобладает противоположный вектор: восстановление наследия Обамы и уничтожение того, что сделал Трамп. В фокусе демократов будет социальная повестка: углубление реформы здравоохранения, реформа среднего образования, экологическая безопасность. Степень левосоциальности демократической повестки будет определяться распределением партийного контроля. Такой сценарий может оказаться менее блокирующим в плане законодательного процесса. Пока республиканцы будут сохранять контроль над Сенатом, возможности демократов в Белом доме и в Палате представителей будут ограничены, и они, чтобы продемонстрировать свою большую эффективность, скорее всего, будут готовы к компромиссам.

При любом раскладе, в силу указанных постоянных трендов, в среднесрочной перспективе в США сохранится разделенное правление с внутривнутрипартийной и межпартийной

конфликтностью и максимальной степенью конфликта внутри ветвей власти и между ними. Такая внутривластная ситуация будет сказываться на реализации внешней политики США.

Внешиполитическая стратегия. Внешнеполитическая стратегия США до середины 2020-х гг. будет находиться в переходной стадии. Это обусловлено рядом существенных препятствий, с которыми столкнулись США в попытках выстроить американоцентричную систему международных отношений (так называемый либеральный миропорядок, основанный на правилах).

Достижение пределов политического доминирования приведет к попыткам переосмысления концептуальных основ внешней политики, что будет серьезно осложняться межпартийной поляризацией и конкуренцией. Обе партии сохраняют приверженность цели сохранения и укрепления американского лидерства как основы существования либерального миропорядка, но подходы к её реализации будут различаться.

Республиканцы останутся привержены практике односторонних мер в отношении и союзников, и оппонентов. Демократы же вернутся к дискурсу коллективной безопасности в отношениях с союзниками, а также постараются перехватить инициативу в глобальных вопросах: изменение климата, защита прав человека, содействие международному развитию и свобода торговли.

В среднесрочной перспективе США сосредоточат внимание, прежде всего, на тех аспектах обостряющейся международной конкуренции, которые угрожают подорвать выстроенную ранее систему международных отношений.

С этой точки зрения ключевые вызовы для США будут исходить из *Азиатско-тихоокеанского региона*, где основные события будут разворачиваться вокруг противостояния США с Китаем, главным стратегическим конкурентом в гонке за глобальное экономическое и технологическое лидерство, потенциально способным задавать новые стандарты в различных отраслях мировой экономики. США будут стремиться сохранять превосходство в этой сфере и добиваться монопольных позиций по отдельным технологическим направлениям. Со значительной долей вероятности, США будут пытаться сдерживать экономический рост КНР посредством, во-первых, введения торговых-экономических и финансовых ограничений (по аналогии с опытом действий в Японии в 1980-х гг. и в Европе в конце 2000-х гг.), а во-вторых, путем воздействия на экономики третьих стран, стратегически значимых для Китая как рынки сбыта (Латинская Америка, Африка) или в рамках реализации инициативы Пояс и Путь (Средняя и Южная Азия, Европа).

С течением времени торговый конфликт будет не столько затухать, сколько смещаться в сектор высоких технологий и валютно-финансовую сферу. Не исключается, в частности, введение санкций и/или усиление контроля над экспортом в отношении китайских компаний – лидеров, например по технологиям 5G - 6G или искусственному интеллекту. Усилится нажим на американские ТНК по вопросам кибербезопасности и охраны интеллектуальной собственности, а также на партнеров по НАТО с целью вынудить их пойти на принятие ограничений на использование китайских технологий. Перечень претензий к Китаю может

быть пополнен за счет нарушений прав человека, территориальных споров и т.д. Возможно также ужесточение условий допуска китайских студентов, аспирантов и научных работников в США.

В случае смены администрации обстановка взаимного недоверия между США и КНР сохранится, а радикализация в торговой политике может даже усилиться. Оставаясь формально на позиции необходимости заключения «всеобъемлющего и долгосрочного» торгового договора, США продолжат настаивать на включении в его текст запрета на контрмеры со стороны Китая.

Негативный сценарий предусматривает возможность выхода конфликта за пределы торгово-экономической сферы. При этом риск скатывания всех основных акторов международной торговли к протекционизму остается относительно низким. Сдерживающим фактором является вероятность стагнации мировой торговли и даже глобальной рецессии. Действия администрации США будут провоцировать пострадавшие от рецессии страны блокироваться для принятия коллективных ответных мер, как в рамках ВТО, так и за ее пределами. Не исключено в целях децентрализации американского влияния возникновение новых институтов, подобных PESCO и INSTEX.

Эти обстоятельства будут подталкивать Вашингтон к постепенному отказу от конфронтации в пользу «разумной конкуренции» с Пекином. Однако, попытки наладить более тесное двустороннее сотрудничество в интересах американских ТНК, например, в сфере зеленой энергетики, в среднесрочной перспективе принесут лишь ограниченные результаты, в том числе в силу активного противодействия радикально настроенного крыла Республиканской партии, выступающего за «экономическое разъединение» с Китаем.

На **Ближнем Востоке** США будут придерживаться политики ограниченного или точечного вовлечения. Интенсивность участия в делах региона будет преимущественно связана либо с реализацией внерегиональных стратегий, либо с потенциальным втягиванием в стратегически значимые конфликты.

США столкнутся с проблемой выстраивания отношений с обновляемыми ближневосточными элитами. Это будет осложняться разницей подходов республиканцев и демократов к региональной политике и сложившейся негативной репутацией недобросовестного союзника.

Испытанием станет способность Вашингтона нормализовать американо-турецкие отношения. Стремление Анкары диверсифицировать внешние связи и укрепить стратегическую независимость, вероятно, приведет к попыткам США поддержать более благосклонные к ним политические силы в ходе парламентских и президентских выборов в 2023 г. в Турции. Давление США на Анкару подвергнет риску военно-политическое сотрудничество и усилит стремление стран региона диверсифицировать свои контакты.

Состояние отношений с Турцией повлияет на способность США справляться с вызовами в рамках НАТО. Итог разрешения американо-турецких противоречий будет служить прецедентом для других союзников США по НАТО.

Возрастает риск перехода американо-иранского конфликта в прямое или опосредованное силовое противостояние. США продолжают балансировать между линией на переговоры и снижение давления на Иран и подталкиванием Тегерана к нарушению СВПД для возобновления жесткого режима санкций на многосторонней основе. Если до смены власти в Иране по итогам выборов (парламентских в 2020 г., президентских в 2021 г. - Хасан Роухани не может переизбираться) и из-за вероятной смены Верховного руководителя США не достигнут договоренностей с Ираном, вероятность перехода нового иранского руководства к более решительным действиям значительно возрастет.

Становление США к середине 2020-х гг. как нетто-экспортера энергоресурсов приведет к росту конкуренции со странами Ближнего Востока. Вашингтон продолжит наращивать экспорт сырой нефти и нефтепродуктов и сокращать их импорт из стран ОПЕК, в первую очередь, за счет снижения поставок из КСА, что увеличит вероятность использования нерыночных механизмов ограничения торговли. Отношения с КСА могут стать фактором президентской избирательной кампании 2024 г. Обострение конфронтации на Ближнем Востоке может обусловить перебои энергопоставок, что окажет болезненное воздействие на развивающиеся страны со слабым экономическим ростом.

Европа сохранит позицию ключевого союзника США. На фоне усиливающейся международной конкуренции и вызовов со стороны Китая, а также региональных амбиций России, трансатлантические отношения не потеряют своей значимости для Вашингтона. Что не устранил, однако, существующих противоречий в отношениях.

Вашингтон продолжит оказывать давление на союзников по НАТО с целью увеличения ими военных расходов. К 2024 г. далеко не все европейские члены альянса смогут нарастить уровень военных расходов до требуемых 2% ВВП. Вместе с тем, попытки США активизировать ЕС в военно-политической сфере могут привести к нежелательным для США побочным эффектам, усилению развития самостоятельных евроструктур безопасности, таких как PESCO. В случае её успешного развития могут быть задеты интересы американского ВПК на европейском рынке, и в целом заложен новый аспект противоречий. Более жесткая критика НАТО, в случае победы Трампа, может усугубить ситуацию.

Неопределенность вносит и затянувшийся процесс выхода Великобритании из ЕС. Неясно, сможет ли Лондон сохранить прежний уровень военных расходов и оказывать полноценную поддержку США в проведении трансатлантической политики. США придется определить нового ключевого партнера внутри ЕС.

Нельзя исключать применения экономических инструментов воздействия, новых протекционистских мер, которые могут затронуть важные для ЕС товары и отрасли, в частности, автомобильную промышленность. Такие шаги более вероятны при республиканской администрации. С демократами, вероятность таких подходов ниже, предпочтение может быть отдано наоборот, развитию интеграционных процессов в сфере трансатлантической торговли.

Вызовы со стороны третьих государств, в первую очередь Китая и России, будут использоваться для поддержания значимости американского лидерства и обоснования дальнейшего развития НАТО. Проблемой для США является отсутствие единого подхода в

ЕС к отношениям с КНР и даже противоречия по этой проблеме. Прежде всего, это касается государств ЦВЕ, с которыми Пекин пытается взаимодействовать более активно.

С учетом высокого риска распада сложившейся в Европе системы контроля над вооружениями, в интересах США перенос акцента в АТР с целью создания ограничений для военно-политических интересов Китая.

На *постсоветском пространстве* Вашингтон продолжит курс на снижение влияния Москвы посредством широкого спектра мер. В этом контексте вызовом для США станет перспектива урегулирования украинского кризиса. При таком сценарии к 2024 г. антироссийская повестка, как фактор трансатлантического единства, может в значительной мере исчерпать себя, что создаст предпосылки к развитию отношений России и ЕС, и, не исключено, будет способствовать трансформации европейской системы безопасности.

Вашингтон сохранит политику санкционного давления в отношении Москвы. Её ужесточение будет зависеть как от международной ситуации, так и от внутривнутриполитической борьбы, где российский фактор останется значимым. Одним из направлений станет давление на ЕС с целью диверсификации поставок СПГ. Эта задача отвечает как политике экономического воздействия на РФ, так и интересам занять большую долю энергетического рынка на континенте. Однако издержки, связанные с транспортировкой СПГ морским путем, требующие специальной инфраструктуры, будут выступать сдерживающим фактором как для США, так и для европейских союзников.

Конфликтный потенциал российско-американских отношений будет возрастать в *Арктике*, где США намерены расширить свое влияние путем выстраивания новой модели отношений. Можно прогнозировать, что США будут склоняться к регионализации арктической проблематики, что означает противодействие расширению там круга морепользователей. Доступ КНР к арктическим пространствам и ресурсам будет и дальше восприниматься в Вашингтоне крайне настороженно. В то же время США будут привлекать в Арктику своих союзников к сотрудничеству по защите морской среды и биоразнообразия.

Главным в американской политике в регионе будет оставаться защита свободы судоходства, борьба с правопритязаниями прибрежных государств, и прежде всего России, которая отстаивает национальный уровень регулирования в акваториях, через которые проходит Северный морской путь. США хотят инициировать мероприятия в рамках программы “Freedom of Navigation” в российской части Арктики, возможно с участием союзников по НАТО.

Страны Средней Азии все чаще будут рассматриваться США в контексте китайской внешней политики. Однако маловероятно, что продвигаемые США форматы многостороннего взаимодействия (в частности, формат «5+1»), военно-технического и торгово-экономического сотрудничества окажут стратегический эффект по сдерживанию китайского влияния в регионе. США с большей вероятностью будут содействовать Индии в налаживании связей со странами региона в противовес Китаю.

На *южно-азиатском направлении* США будут сосредоточены на войне в Афганистане, индо-пакистанском конфликте и проекте ПИП. Углубится разделение конкурирующих сторон:

США, Индия и афганское правительство с одной стороны - Китай, Пакистан и ряд афганских антиправительственных сил, с другой. Россию могут пытаться втянуть в политику одного из лагерей.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

По результатам выборов 2019 г. в Европарламент в Евросоюзе произошло обновление состава Еврокомиссии, определились лица, занявшие ключевые посты. Если удастся избежать крупных эксцессов (например, коррупционных скандалов), в этом составе руководство ЕС продолжит работу до конца 2024 г. При этом полномочия структур ЕС ограничены и по многим вопросам дополняют, а не замещают процесс принятия решений в странах-членах.

«Всесоюзная» повестка. Еврокомиссию возглавила бывшая министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен с программой «Союз, стремящийся к большему». ЕС планирует реализацию проектов по экологии и противодействию изменению климата на основе Парижского соглашения и закрепить лидерство в продвижении экологической повестки на глобальном уровне, как примера лучших практик в этой области.

Значительная часть работы ЕК и других органов ЕС будет направлена на адаптацию экономического и валютного союза к вызовам времени. В случае глобального экономического спада, приоритетом вновь могут стать дисбалансы евро: странам Южной Европы непросто удержаться в рамках установленных правил и при этом соблюсти свои национальные экономические интересы.

Повестка ЕС явно заточена на оздоровление общественных механизмов, низкая эффективность которых подпитывает популистские движения, пользующиеся в ряде стран возросшей популярностью. Так, ЕС намерен обеспечить достойный минимальный доход, улучшить здравоохранение, бороться с безработицей среди молодежи. Финансирование социальных программ потребует реформ в сфере налогообложения, включая меры по борьбе с налоговыми махинациями.

При общем высоком технологическом уровне работающих в ЕС компаний, по развитию цифровой инфраструктуры многие регионы ЕС отстают от мировых лидеров. Развитие этой инфраструктуры, включая сети 5G, должно идти при обеспечении технологического суверенитета в критически значимых областях. Поддержка разработок на ключевых направлениях, в частности, в сфере искусственного интеллекта, будет одним из важных аспектов деятельности ЕС.

Для успехов в науке и обеспечения высокого качества жизни граждан ЕС предполагается к 2025 г. сформировать «Европейское образовательное пространство», избавиться в этой области от барьеров в трансграничном взаимодействии, обеспечить современный процесс обучения в течение всей жизни. Финансирование программы «Эразмус плюс», содействующей академическому общению, должно быть утроено, уже начиная с 2020 года.

Проблемой останется нелегальная миграция. Необходимо совершенствование законодательства по миграции и предоставлению убежища. К середине 2020-х гг. у агентства Фронтекс, обеспечивающего взаимодействие пограничных служб ЕС, должен появиться собственный 10-тысячный штат.

Политика США при Трампе вызывает беспокойство ЕС, прежде всего в отношении международной торговли в формате ВТО. Здесь ЕС будет искать союзников и предпринимать усилия по минимизации ущерба. Однако, как и во всем мире, свобода торговли наталкивается в ЕС на лобби фирм, профсоюзов и ассоциаций, что тормозит процесс переговоров ЕС со многими странами о ЗСТ.

Состав ЕС до 2024 г. может изменить только грядущий выход Великобритании. Расширение за счет западнобалканских государств не вызывает энтузиазма у ряда стран-членов. Подготовка к нему будет идти через развитие механизмов сотрудничества, но на полные права в ЕС даже небольшие страны-кандидаты смогут рассчитывать не ранее 2025 г. О вступлении в Евросоюз Грузии, Украины и Молдавии на этом этапе речь не идет.

Продолжатся совместные проекты в области обороны, прежде всего, кооперация ВПК. Возможно достижение более заметных результатов, однако, поводов говорить о принципиально ином качестве оборонной составляющей ЕС, скорее всего, не появится.

Правила выборов в ЕП, которые должны состояться весной 2024 г., могут быть скорректированы, чтобы усилить связь с избирателем и, возможно, вернуться к провалившейся в 2019 г. идее, когда заранее определенный лидер победившего политического лагеря претендует на позицию главы Еврокомиссии.

Долгий Брекзит. Хотя борьба сторонников и противников выхода из ЕС продолжается, Брекзит всё же состоится. Консерваторы предполагают короткий переходный период после формального Брекзита, который должен завершиться к концу 2020 г. Однако «крайние сроки» выхода уже неоднократно сдвигались. И поскольку ни ЕС, ни Великобритания не хотели бы допустить хаотизации процесса, то же касается и переходного периода, цель которого – согласовать новый формат отношений с ЕС. Даже с истечением всех переходных соглашений потребуется еще несколько лет, чтобы оценить экономические и политические последствия новой европейской конфигурации.

Связанные с Брекзитом шоки нанесут серьезный удар по европейскому интеграционному процессу. ЕС опасается, чтобы Брекзит не запустил «эффект домино» по выходу из него. Вероятность такого сценария невелика, с учетом негативных последствий для Великобритании, но риски сохраняются.

С выходом Великобритании для ЕС еще больше возрастет значение франко-германского взаимопонимания, а евроскептики потеряют мощный голос. Усилятся призывы к странам-членам осознать ответственность за судьбы Союза, в то же время возрастет желание средних и малых стран обеспечить свои интересы, не всегда совпадающие с позицией «грандов».

Пестрые популисты. Персоналии и политические ориентиры коммунитарной верхушки ЕС могут оставаться неизменными, но на уровне стран-членов произойдет ряд значимых для ЕС подвижек. Во многих странах падает популярность традиционных центристских партий,

появляются новые популистские и радикальные политические силы. Эти движения пока остаются тревожным звонком для центристов, сохраняющих контроль над политическим курсом своих стран, но первые исключения из такой логики уже появляются.

Германия не позднее 2021 г. подойдет к завершению «эры Меркель». Но важные персональные вопросы не решены. Ведущие партии переживают смену поколений, однако очевидных лидеров пока не появилось. Уменьшились возможности формирования традиционных коалиций. Беспрецедентный рост популярности Партии зеленых – следствие совмещения популистских настроений и прогрессивной политической повестки на фоне экологических опасений. Часть тезисов зеленых в свою повестку готовы интегрировать центристы. Ближайшие годы в Германии могут пройти под знаком борьбы за экологию, что, помимо прочего, позволяет отвлечь часть протестного электората от крайне-правых и крайне-левых движений. Радикалы сохраняют шансы, чреватые рисками общеевропейской дестабилизации. Очередной миграционный кризис или кризис еврозоны подхлестнули бы их популярность.

На президентских выборах во Франции весной 2022 г. Э. Макрону предстоит борьба, главным образом, со сторонниками М. Ле Пен. Макрон сталкивается с серьезными внутренними и внешними вызовами. Его смелые публичные выступления по темам развития ЕС пока не помогли ему заработать репутацию лидера ЕС. Если под воздействием таких факторов, как миграционная обстановка и ослабление центристов, М. Ле Пен получит шанс на победу, это станет драматическим испытанием не только для Франции, но и для Евросоюза.

В Южной Европе, Испании и Италии, на фоне экономических проблем сохраняются риски политической нестабильности и всплесков сепаратистских настроений. Большой проблемой для Брюсселя может стать поддержка в этих странах популистов, готовых идти на нарушение правил ЕС и ломать консенсус государств-членов по ключевым вопросам.

Ослабление национал-популистских сил в странах ЦВЕ маловероятно, но их практическое участие во власти и взросление молодых избирателей могут со временем нормализовать там политический фон. По некоторым опросам, молодежь в регионе ЦВЕ уже считает национализм более опасным для ЕС, чем изменение климата и чуть менее опасным, чем экономические проблемы. Даже в странах-лидерах «нелиберальной демократии» - Венгрии и Польше – при сохранении до 2024 г. доминирования правящих партий повысится роль оппозиционных партий и движений, ориентированных на развитие гражданского общества и более справедливое распределение эффектов экономического роста.

Внешний контур. ЕС по своей природе плохо вписывается в условия стратегического соперничества великих держав. Обострение американо-китайских отношений в ЕС наблюдают с беспокойством, однако пока ему не удастся сформулировать согласованную самостоятельную политическую линию. Расчет скорее делается на снижение напряжения и содействие этому процессу.

Интерес к постсоветскому пространству со стороны ЕС несколько утрачен, почти исчезли надежды на быстрый демократический транзит, но реализация соглашений об ассоциации с Грузией, Украиной и Молдавией продолжится. Приоритетом станет поддержание с этими странами стабильных отношений.

Если процесс урегулирования на Украине продвинется хотя бы частично, санкционный консенсус может распасться. Но о выстраивании продвинутых отношений ЕС с Россией в ближайшие годы говорить сложно. Стороны не готовы к уступкам и «перезагрузка» вряд ли возможна. Однако при наличии политической воли обойти тупик можно через взаимодействие ЕС-ЕАЭС, о чем говорят не только эксперты, но и на официальном уровне в ряде стран ЕС.

США сохраняют роль гаранта для своих союзников в вопросах военной безопасности. Но второй срок Трампа стал бы для ЕС тяжелым испытанием. Кандидат от демократов на американских выборах 2020 г. может по умолчанию рассчитывать на симпатии европейцев. Но нельзя исключать, что и при президенте-демократе сохранится тренд на снижение интереса США к Европе. Вашингтон не намерен помогать ЕС стать самостоятельным центром силы.

Китайское присутствие в странах ЕС и пределы использования китайских технологий останутся одной из тем политических споров. В ряду наиболее проблемных сценариев раскол стран-членов ЕС – между отдающими приоритет взаимодействию с США или Китаю в чувствительных сферах.

В основе многих проблем ЕС само устройство европейского интеграционного объединения – сложность обеспечения баланса между принятием решений на уровне ЕС в целом и на уровне отдельных стран-членов. Хватит ли у существующей конструкции стрессоустойчивости, чтобы справиться с современными вызовами – один из главных вопросов ближайших лет для ЕС.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Ближний Восток столкнется с обострением системных вызовов, связанных с изменениями климата и ограниченностью водных ресурсов. Темпы роста среднегодовой температуры в регионе примерно вдвое выше, чем в среднем по миру. Сильные засухи становятся нормой, а ситуация усугубляется нерациональным использованием имеющихся ресурсов. Еще большую остроту приобретут вопросы продовольственной безопасности.

К 2024 г. могут обостриться социальные проблемы и даже возникнуть межгосударственные конфликты. Вероятен рост напряженности в отношениях Египта со странами, расположенными выше по течению Нила, прежде всего с Эфиопией и Суданом. Не исключены трения между Турцией, с одной стороны, и Ираком и Сирией, с другой, из-за использования реки Евфрат, где Турция строит каскад плотин, ограничивая поступление воды в эти две страны.

Экономика. Начало эпохи дешевой нефти является долгосрочным трендом, к 2024 г. его влияние станет более очевидным. Географическая структура экспорта углеводородов сместилась в сторону азиатских стран (Япония, Китай, Южная Корея, Индия). Появляются новые игроки на рынке газа, нефти, продуктов нефтехимии, которые могут усилить конкурентную борьбу за Азию.

С финансовыми трудностями сталкиваются даже такие богатые страны, как Саудовская Аравия. Одновременно проблемы, связанные с зависимостью от экспорта углеводородов, могут усилить уже идущие в энергетике процессы диверсификации. В то же время реализация программ по созданию зеленой энергетики везде, кроме ОАЭ, осуществляется с опозданием.

Экономическая модернизация не имеет альтернативы, что понимают страны ССАГПЗ. В будущем она может способствовать политической модернизации режимов или их дестабилизации в виду неготовности местных обществ принять смену парадигм и пересмотр существующего социального контракта.

С изменением климата возможно снижение собственного сельхозпроизводства, что вынудит правительства арабских стран наращивать импорт. Это ляжет дополнительной нагрузкой на и без того дефицитные бюджеты. В результате могут пострадать другие статьи социальных расходов, что вкупе с ростом населения может привести к внутривнутриполитическим кризисам. Наиболее уязвимы в этом плане страны с большим населением: Египет, Ирак, Алжир, Марокко.

Турецкое правительство продолжит попытки преодолеть кризисные явления в экономике, которые, по оценкам международных рейтинговых агентств, сохранятся до 2021-22 г.

Экономическое развитие Ирана во многом будут определять санкции. До 2022 г. Тегерану придется искать пути компенсации потерь национальных бизнес-чемпионов. После 2022 г., по мере того как страна привыкнет жить под санкционным давлением, экономическая ситуация в Иране станет менее волатильной. Однако проявится ухудшение производственной базы, так как Иран не сможет обновлять основные фонды производства за счет привлечения зарубежных средств, технологий и оборудования. Исчерпание ресурса основных фондов станет главным препятствием для экономического развития и обеспечения стабильных источников доходов бюджета.

Внутриполитическое развитие. В период до 2024 г. политическая ситуация в отдельных ближневосточных государствах может демонстрировать разную степень неустойчивости. «Арабская весна» оказалась незавершенным процессом. Социальные проблемы, осложненные этноконфессиональными противоречиями, могут привести к серьезной и длительной дестабилизации в Ливане, Ираке, Судане, раскачать ситуацию в Египте. Обострение обстановки внутри отдельных стран (арабская весна 2.0) весьма вероятный сценарий, но, скорее всего, он не приведет к падению авторитарных режимов.

В 2021 году состоятся выборы президента Сирии, на которых, судя по всему, будет переизбран Б. Асад. При незавершенности политического процесса это может стать поводом

для протестов различной степени интенсивности, с которыми режим рассчитывает справиться.

Политическая ситуация в Египте выглядит умеренно стабильной, но причины для обострения имеются. Из-за снижения уровня жизни, репрессий, цензуры происходит постепенный подъем гражданской активности. Данная тенденция сохранится в период до 2024 г., когда ожидаются два предвыборных цикла (парламентские и президентские выборы – в 2020 г. и 2024 г.), в ходе которых может обозначиться раскол в военно-политической элите.

Для Турции решающей вехой станет 2023 г., на который запланированы выборы президента и парламента. Согласно Конституции, Р.Т. Эрдоган не может баллотироваться на третий президентский срок, однако не исключено, что он попытается обойти это препятствие. В случае участия в выборах его шансы на победу велики. Если же пост президента в жесткой борьбе получит кандидат от НРП, то возможна ревизия политических реформ Эрдогана и поворот Турции к более прозападному курсу во внешней политике.

Политическая система Израиля находится в серьезном кризисе. Долгая практика решающего лидерства в Кнессете одной партии дала серьезный сбой. Правая партия «Ликуд» и центристская «Кахоль-Лаван» набрали почти равное количество голосов и не смогли договориться о создании правительства. На повестке дня стоит реформирование избирательной системы – например, дальнейшее повышение электорального барьера.

До 2024 года с высокой вероятностью произойдет смена Верховного лидера в Иране. От личности его преемника будет зависеть внешняя политика страны. Уже начавшаяся неформальная гонка за пост третьего Верховного лидера ясно показывает, что пока значительно *большие* шансы занять этот пост имеют представители правоцентристских либо праворадикальных групп иранской элиты, выступающие против глубоких либеральных реформ и насторожено относящиеся к Западу. В рядах «либералов» нет значимых и харизматичных фигур, способных завоевать пост Верховного лидера. Курс на реформы был в значительной степени дискредитирован провалом экономической политики правительства Х.Роухани, а также выходом США из СВПД.

Конфликты. Негативное воздействие на регион до 2024 г. продолжит оказывать ситуация в Сирии, Йемене и Ливии, даже после формального завершения конфликтов, если оно все же будет иметь место. Может добавиться очаг радикального исламизма на периферии – в Сахеле. В этой связи не исключена новая активизация ДАИШ и других террористических организаций. Тем не менее, нестабильность вряд ли серьезно превысит нынешний высокий уровень, к которому большинство стран региона уже адаптировалось.

Перспективы урегулирования палестино-израильского конфликта остаются туманными. Израиль устраивает сохраняющийся статус-кво и фактическая возможность постройки поселений на Западном берегу и распространения на них суверенитета Израиля. Неурегулированность палестинской проблемы не станет главным препятствием к налаживанию отношений Израиля с арабскими государствами Залива, однако не позволит придать им договорную основу.

Возможен рост напряженности вокруг Кипра в связи с запасами углеводородов на шельфе острова, разведкой которых в одностороннем порядке пытается заниматься Анкара от имени турок-киприотов.

Конфликт между Ираном и странами ССАГПЗ, а также Израилем, скорее всего, сохранится. Иран может попытаться улучшить свои отношения с соседними арабскими государствами, но с Израилем отношения еще больше обострятся.

Роль внешних игроков. Для внешних игроков ситуация на Ближнем Востоке становится все более конкурентной. США сохранят военное присутствие на Ближнем Востоке, в первую очередь, в Персидском заливе. Они останутся основным союзником и гарантом безопасности для Израиля, а также продолжат антииранский курс. Политическое влияние США сохранится, но сомнения в предсказуемости их политики могут побудить арабские страны расширять связи с Россией и Китаем. У России есть возможности увеличить военно-политическое и экономическое присутствие в регионе. Следует ожидать роста активности российских энергетических компаний, увеличения продаж оружия, участия Москвы в выстраивании систем безопасности и в урегулировании конфликтов. Однако в плане предоставления новых технологий, в продвижении собственной системы подготовки высококвалифицированных кадров ее влияние до 2024 г. останется весьма ограниченным.

ЕС вряд ли сможет усилить свои позиции, но традиционное сотрудничество со странами Ближнего Востока остается для тех и других важнейшим вектором во внешней, экономической и культурной политике.

К 2024 г. большинство стран региона будут в той или иной степени включены в китайский проект ПИП. Продолжит расти объем торговли, однако, баланс будет преимущественно в пользу КНР. Китай будет наращивать поставки в регион вооружений. Нельзя исключить развертывание КНР новых военных баз с целью обеспечения безопасности стратегических транспортных коридоров.

Все более активно в регионе будут действовать Индия, Пакистан, страны Юго-Восточной Азии.

К 2024 году нет оснований ожидать изменений, способных обрушить сложившийся баланс сил и привести к серьезной дестабилизации региона. Однако приблизительно к этому периоду более четко проявятся долгосрочные и краткосрочные вызовы экономического и социально-политического развития, которые потребуют и от ближневосточных стран, и от внешних игроков поисков методов эффективного сдерживания нарастающих негативных тенденций. В процессе таких поисков могут обозначиться новые возможности для взаимодействия между основными игроками.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Центральная Азия и Южный Кавказ

По основным показателям *экономического развития* ни одна из стран ЦА (даже Казахстан, где уровень дохода на душу населения выше, чем у соседей) не дотягивает до развитых экономик мира. Благодаря разблокированию границ и открытию контрольно-пропускных пунктов в ЦА в 2018-2019 гг. можно ожидать большей свободы передвижения внутри региона людей, товаров, и услуг. Однако региональной экономической интеграции пяти государств ЦА не произойдет: ни в ЦА, ни на Южном Кавказе трудно ожидать появления экономического «мотора» общерегионального значения до 2024 г. Сохранят влияние международные союзы и проекты (ЕАЭС, «Большая Евразия»), где будут стараться укрепить лидерство Россия, а также Китай с проектом ПИП.

Динамика демографических и миграционных процессов. В Узбекистане и Таджикистане сохранится тенденция к приросту населения, из Казахстана продолжится отток населения, причем не только имеющего славянские корни. Принятая Казахстаном политика по привлечению на родину этнических казахов (оралманов) может окончательно изменить баланс в Казахстане в пользу «коренной нации», но не решит проблему демографического роста.

Урбанизация, переток сельского населения в города осложнит социально-экономическую ситуацию, создаст диспропорции в сфере занятости и увеличит безработицу, особенно среди молодежи. Этот тренд будет способствовать росту национализма и (в исламских республиках ЦА) усилению исламского фактора.

Неполная занятость населения на фоне роста числа работоспособной молодежи, социальные проблемы создадут предпосылки для трудовой миграции выходцев из ЦА и ЮК на рынках труда России, Казахстана, ряда других стран, где в прогнозируемый период сохранятся низкие или отрицательные темпы прироста населения. В отдельные годы возможен некоторый спад миграции.

Вызовы и риски будущего. Серьезными *глобальными* вызовами и рисками для стран ЦА и ЮК останутся наркотрафик, трансграничная оргпреступность, незаконная миграция, деградация природной среды.

Не менее серьезные вызовы и риски обусловлены *спецификой* ЦА и ЮК. Нехватка в ЦА водных ресурсов чревата возникновением противоречий между Таджикистаном и Кыргызстаном, с одной стороны, Узбекистаном и Туркменистаном – с другой. Рост социального неравенства будет подпитывать нестабильность и религиозный экстремизм. Неурегулированные пограничные споры и нерешенные территориальные проблемы будут вести к локальным междоусобицам. Болевыми точками останутся «замороженные конфликты» на ЮК с крайне низкой вероятностью урегулирования, в частности, из-за неготовности Нагорно-Карабахской Республики, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия поступаться суверенитетом. На линии соприкосновения в Карабахе возможны отдельные провокации и обострение военной ситуации, но большая война между Арменией и Азербайджаном крайне маловероятна. Грузия сохранит евроатлантическую ориентацию.

Безопасности государств ЦА будет угрожать фактор Афганистана, на территории которого формируются очаги из покинувших Сирию и Ирак боевиков запрещенного в РФ ИГИЛ (т.н. «вилайят Хорасан»).

На всем пространстве, но особенно в регионе Южного Кавказа в конкуренции за влияние будут участвовать не только исторические региональные акторы – Турция и Иран, но и нерегиональные игроки – США, ЕС, НАТО. Вероятны попытки привлечь на свою сторону политические элиты стран, что не укрепит там политическую стабильность. В то же время в предстоящий период интерес нерегиональных игроков к постсоветскому пространству, скорее, снизится.

Политические перспективы. Несмотря на наличие рисков локального характера, общая ситуация в ЦА будет более стабильной и предсказуемой, нежели в южнокавказском регионе. Политические системы государств ЦА и Азербайджана, сочетающие авторитаризм с «управляемой демократией» (с ее внешними признаками - выборами, разделением властей, политическими партиями и оппозицией, независимыми СМИ) не подвергнутся серьезной реструктуризации.

Религиозный фактор. Страны ЦА и ЮК будут развиваться в рамках светской парадигмы. Однако почва для распространения идей «политического ислама» в ЦА и Азербайджане сохранится, и в отдельных случаях он может стать идеологической базой будущих политических пертурбаций. Но приход к власти исламистов, выступающих за введение норм Шариата как закона, определяющего жизнь современного исламского общества, исключен в силу того, что власти и силовые структуры продолжают повсеместно подавлять проявления религиозной оппозиционности. Разрозненные экстремистские или террористические группы из числа несистемной оппозиции будут действовать в виде не связанных единым организационным центром группировок, но не будут определять политическое и религиозное «лицо» ЦА и Азербайджана.

Внешние факторы. В перспективе регионы ЦА и ЮК останутся местом политической конкуренции больших игроков, в первую очередь, России, Китая, Евросоюза, США, соперничающих здесь за влияние, ресурсы и рынки.

Для России приоритетными останутся отношения со странами, непосредственно граничащими с ней в зонах жизненно важных российских интересов (Каспийской, Центрально-Азиатской, Черноморско-Кавказской). В Армении и Грузии политическая нестабильность и слабый экономический потенциал останутся препятствием для вхождения российского бизнеса. Перспективным для России станет смещение акцента экономического сотрудничества в направлении Азербайджана, Казахстана, Узбекистана.

РФ будет активно работать на рынках ЦА и ЮК, участвовать в программах модернизации стран независимо от их формального членства в ЕАЭС. Нельзя исключать, что на каком-то этапе основное внимание России будет сосредоточено не на расширении ЕАЭС, но на повышении его эффективности. Заинтересованность государств ЦА и ЮК в расширении экономического и политического сотрудничества с РФ будет обусловлена ее ролью в обеспечении безопасности и поддержании баланса сил в регионе.

Китай углубит торгово-экономическое взаимодействие со странами ЦА и ЮК в рамках реализации своей долгосрочной инициативы «Пояса и пути», избегая разногласий с Россией.

Спрос на энергоносители будет определять приоритетное внимание **ЕС** к местным газо- и нефтеэкспортерам (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан).

Индия готова активизировать свое влияние, в частности, в ЦА, дабы предотвратить доминирование в регионе Китая.

США будут уделять приоритетное внимание Армении и Грузии на ЮК, Узбекистану и Казахстану в ЦА. Не исключено, что Грузии попытаются придать статус военного союзника США вне НАТО. Попыткам США расширить военное присутствие в регионах ЦА и ЮК будут противодействовать Россия и Китай.

Турция и Иран постараются и в дальнейшем продвигать взаимодействие с государствами региона, акцентируя культурно-этническую близость с тюркскими (или же персоязычным – в случае Таджикистана) народами региона, а также на религиозную общность (фактор шиизма в Азербайджане), пытаясь одновременно занять лидирующее положение на местном рынке. Однако их влияние объективно будет менее значительным, чем у больших игроков.

В перспективе 2024 г. ЦА и ЮК станут площадкой активной игры, как стран региона, так и внешних сил. Страны региона традиционно будут стремиться создать внешний баланс, позволяющий максимально обеспечить интересы их экономик и политического суверенитета. В ЦА, прежде всего, с точки зрения баланса влияния России и Китая, на Южном Кавказе – России и Запада, а также региональных «грандов». В целом, многосторонние форматы будут уступать место двусторонним. Наряду с уже укрепляющимся трендом на двустороннее взаимодействие Россия продолжит реализацию интеграционных проектов (ЕАЭС). Стратегически важным для РФ и стран регионов останется поддержание безопасности ЦА и ЮК через механизмы ОДКБ и ШОС.

Украина, Белоруссия, Молдавия

Экономическая динамика. К 2024 г. странам региона не удастся приблизиться к европейским жизненным стандартам и уровню производительности труда. Молдавия и Украина останутся в числе беднейших стран Европы, хотя темпы их роста (особенно Украины с восстановительным ростом более чем 20% после спада 2014-15 гг.) с высокой вероятностью окажутся выше мировых.

Для Белоруссии возможны несколько сценариев. При позитивном сценарии развития интеграционных процессов с РФ и сохранении российских дотаций темпы роста могут достичь среднемировых и даже превысить их, показатели ВВП на душу населения будут демонстрировать умеренный рост. Однако это не наиболее вероятный сценарий. Скорее, на пути углубления российско-белорусской интеграции уже в ближайшее время возникнут серьезные проблемы. А в случае снижения объемов дотирования и льготного кредитования Россией белорусской экономики, темпы экономического роста РБ будут существенно ниже мировых, уровень жизни и ВВП на душу населения, могут даже продемонстрировать тенденцию к снижению. Россия также приложит усилия для сохранения своего влияния в регионе путем поддержки проекта Евразийской интеграции (прежде всего формата ЕАЭС).

Динамика демографических и миграционных процессов. Все три страны переживают демографический кризис. Особенно быстро сокращается население Украины и Молдавии. В Молдавии это дает сторонникам объединения с Румынией дополнительные козыри – малая численность населения при низком уровне жизни не способствуют росту ее инвестиционной привлекательности. Неполная занятость населения, социальные проблемы создадут предпосылки для трудовой миграции из этих стран, в том числе и прежде всего, в РФ.

Вызовами и рисками для региона будут: трансграничная оргпреступность, распространение стрелкового и иного оружия из зон конфликтов, незаконная миграция. Сохранится почва для правого национализма и экстремизма (прежде всего на Украине). Неурегулированные пограничные споры и нерешенные территориальные проблемы могут вызвать локальные междоусобицы; «замороженные конфликты» (Приднестровье и, вероятно, Донбасс). Скорее всего, снизится уровень, но все же сохранится соперничество Запада с Россией за влияние на регион, что с высокой вероятностью будут использовать прозападные сегменты политических элит Белоруссии, Молдавии и Украины.

Политические перспективы. На Украине уверенная победа В. Зеленского и его партии на президентских и парламентских выборах 2019 г. продемонстрировала доминирующие в обществе протест и ожидания кардинальных политических и экономических перемен. Программа «Слуги народа» очевидно импонировала жесткими намерениями борьбы с коррупцией, «чистки» прогнившего и обещанием мира.

Однако уже на начальном этапе президент и его команда (сформированная «на ходу» и по состоянию на начало 2020 г. не предоставившая ему надежной опоры) столкнулись не только с сопротивлением старых элит, борьбой между олигархами, но и с разнонаправленными настроениями в обществе.

Сплотившись в протестном голосовании, украинцы, уставшие от войны и бедности, не едины в видении будущего страны. При выборе нескольких векторов экономической интеграции - 57% за вступление в ЕС, 24% - за равноудаленность от России и Запада, 10% - за вступление в Таможенный Союз.

Но главное – украинцы хотят быстрых результатов. Их отсутствие порождает скепсис и новый всплеск протестных настроений.

Уже к осени Зеленского начали обвинять в недостаточной борьбе с коррупцией. А первые шаги к переговорам по Донбассу вызвали заметные протесты националистических сил. Тем не менее, политическая установка Банковой на завершение конфликта дает шанс на урегулирование на Донбассе в рамках Минского процесса, либо, что весьма вероятно, на замораживание конфликта на неопределенный срок как альтернативу урегулированию.

Перспективу развития Украины до 2024 г. определит 2020 г. Если Зеленскому удастся не только достичь мирного компромисса по Донбассу, но и убедить общество в его безальтернативности, приемлемости и в конечном итоге соответствии интересам страны, выстоять перед атакой объединенных сил «сторонников линии Порошенко», включая радикальных националистов (в чем, как представляется, ему будут помогать все участники Нормандской четверки), Украина получит шансы на реализацию, причем достаточно

быструю, политических и экономических реформ, улучшение социальной сферы. Если же политикам-оппонентам «слуги народа» удастся за счет организации и эскалации протеста недовольных договоренностями по Донбассу развязывать новый цикл внутривнутриполитической и экономической борьбы, Украину может ждать пятилетие «смутного времени».

В *Белоруссии* формируется новая долговременная тенденция «мягкой» белорусизации. Подобная политика будет продолжена. Власти активно ищут экономный способ усилить лояльность молодежи и в целом населения страны в условиях социально-экономических проблем и ограниченных возможностей по их преодолению.

Параллельно будет разворачиваться политическая активность по развитию и углублению интеграционных процессов в отношениях двух стран. Однако у экспертов есть обоснованные сомнения на этот счет. У РФ и РБ разный взгляд на развитие экономической (и тем более политической) интеграции в рамках Союзного государства.

В перспективе 2024 г. вероятно усилятся тенденции последних лет – активное развитие Минском западного направления во внешней политике, формирование многовекторности, реализация нейтрального независимого курса.

Тем не менее, практически нет сомнений, что в 2020 г. А.Г.Лукашенко будет переизбран на очередной срок. Полная нормализация отношений РБ со странами Запада при сохранении лидерства Лукашенко маловероятна, трудно ожидать радикальной смены внешнеполитической колеи. Поэтому с большой вероятностью в следующем пятилетии спорные вопросы между Россией и Белоруссией будут улаживаться в уже созданных известных форматах – как двусторонних, так и многосторонних.

Молдавия остается глубоко расколотой страной, у которой так и не сформировалось за почти 30 лет независимости ни консолидированной элиты, ни (как следствие первого) ясного вектора развития. В случае, если в ближайшие годы не удастся реализовать некий «обновленный план Козака» по федерализации и объединению страны и превращению Молдавии в подобие моста между Востоком и Западом (ассоциация с ЕС и одновременно ЗСТ СНГ с перспективой изменения статуса (ныне наблюдатель) в ЕАЭС - шансы на это невелики), политическая нестабильность сохранится на протяжении всего прогнозного периода. Нельзя будет полностью исключить сценарий поглощения Молдавии Румынией, за что выступает заметная часть прозападного, правого сегмента молдавской элиты, сохранится неурегулированный статус Приднестровья. Население и элита страны поделены примерно пополам – на настроенных проевропейски и ориентированных на Россию и ЕАЭС, что в среднесрочной перспективе обуславливает политическую нестабильность и колебания в результатах выборов.

Внешние факторы. На горизонте 2024 г. на европейской части постсоветского пространства продолжится соперничество России с ЕС и США. Роль проекта Восточное партнерство будет снижаться, и он столкнется с попытками продвижения институтов ЕАЭС. Расширение НАТО в обозримой перспективе маловероятно.

Китай будет углублять взаимодействие прежде всего с Белоруссией как важной страной на пути построения транзитных коридоров в Европу, в Украине будет приобретать технологически интересные объекты в сфере ВПК.

«Усталость» **ЕС** от украинского кризиса, отсутствие единства по поводу санкционных режимов в отношении России и в целом политических и экономических взаимоотношений с РФ в прогнозный период на фоне вероятного замораживания/урегулирования ситуации вокруг Донбасса могут привести к ослаблению и снятию большей части санкций ЕС.

Для Украины существенную роль будет иметь результат выборов 2020 г. в **США**. Если президентом останется Д.Трамп, высока вероятность, что **США** будут уделять гораздо меньше внимания постсоветскому пространству и, в частности, Украине. В случае же прихода к власти демократов, Украина и Молдавия, скорее всего, формально не будут включены в НАТО, но Украине могут попытаться придать статус военного союзника США вне НАТО.

Последствия для России. РФ последовательно продолжит продвигать идеи расширения и углубления ЕАЭС и Союзного государства. Российский бизнес будет предпринимать попытки осваивать европейские страны постсоветского пространства. Однако из-за противодействия властей Белоруссии и Украины и политической нестабильности в Молдавии массированное инвестирование представляется не вполне реалистичной опцией. В политическом плане отношения с европейскими странами СНГ будут оставаться нестабильными, но серьезных кризисов вероятно удастся избежать.

ТИХООКЕАНСКАЯ АЗИЯ

Тихоокеанская Азия, несмотря на очевидное замедление темпов экономического роста стран этого региона, будет оставаться наиболее динамичной частью мирового хозяйства и, соответственно, полем для тестирования новых политических решений, призванных сохранить импульс к развитию и уменьшить груз препятствующих ему социальных и экологических проблем. Вместе с тем чрезвычайная социально-экономическая и политическая разнородность систем стран региона порождает новые проблемы и противоречия. Актуальность и острота последних связана, в частности, с тем, что в регионе присутствуют государства и их группы, претендующие на роль самостоятельных, и притом конкурирующих между собой центров силы в складывающемся полицентричном мироустройстве.

В первую очередь это относится к **КНР**, которая в возрастающей мере ощущает себя полюсом силы, способным на равных взаимодействовать и конкурировать с признанными глобальными лидерами, прежде всего с США. Важной вехой будет празднование летом 2021 г. столетия Коммунистической партии Китая (КПК). Акцент будет сделан на исторической преемственности целей КПК в борьбе за превращение Китая в сильное и могущественное государство. Это углубит влияние официальной идеологии на общество и укрепит политический авторитет Си Цзиньпина.

Наиболее существенным ожидаемым последствием укрепления влияния Си Цзиньпина будет изменение действующей с 1990-х гг. модели обновления раз в десять лет руководства страны. На предстоящем осенью 2022 г. XX съезде КПК пребывание Си Цзиньпина на посту генерального секретаря ЦК КПК, скорее всего, будет продлено до очередного съезда партии в 2027 г. Однако перспектива его неограниченного лидерства в пятилетие 2027-2032 гг. менее вероятна, поэтому уже в середине 2020-х гг. можно ожидать начала подготовки к плавной передаче власти новому поколению лидеров.

Главная угроза дестабилизации в предстоящий период будет исходить от Тайваня. Президентские выборы в январе 2020 г. пройдут под влиянием событий 2019 г. в Гонконге и с большой вероятностью приведут к переизбранию кандидата от Демократической прогрессивной партии, ставящей под сомнение тезис о единстве Китая. Следующие президентские выборы на Тайване должны пройти в 2024 г. Сторонники независимости Тайваня смогут использовать ситуацию в Гонконге для компрометации формулы объединения «одно государство – две системы». В то же время власти материкового Китая под влиянием событий в Гонконге могут сделать вывод о неизбежности использования силы для обеспечения территориальной целостности. При этом сами по себе волнения в Гонконге не создают существенной угрозы дестабилизации на материке.

В экономике КНР все заметнее будет обусловленное внутренними причинами замедление темпов экономического роста. «Торговая война» с США ускорила этот процесс и сделала его менее управляемым. Снижение темпов до уровня 5% вынудит китайские власти прибегнуть к крупным денежным вливаниям в экономику, что поможет избежать опасного торможения, но приведет к серьезному увеличению долговой нагрузки.

В середине 2020-х годов в Китае даст о себе знать нехватка рабочей силы. Внутренние экономические проблемы и давление со стороны США будут стимулировать китайское руководство концентрировать усилия на поддержке инноваций и разработке собственных высоких технологий (искусственный интеллект, большие данные, цифровая экономика). В 2024 г. будут подведены итоги десятилетней программы «Сделано в Китае 2025», задуманной как средство вывести страну на мировой уровень по ряду современных технологий. Первоначально лидеры КНР рассчитывали на осуществление этой программы в сотрудничестве с Западом, однако к ее завершению барьеры для доступа к западным технологиям будут все выше. Вероятным последствием политики технологического сдерживания со стороны Запада может стать формирование вокруг КНР блока стран-партнеров для альтернативного инновационного и технологического развития.

К середине десятилетия можно прогнозировать проведение Китаем более жесткой внешней политики ввиду осознания невозможности вернуть китайско-американские отношения на уровень конца 2000-х - начала 2010-х гг. В случае прихода к власти в США президента от Демократической партии накал противостояния может быть снижен, однако сохранение структурных проблем будет означать возможность возобновления острого открытого соперничества в любой момент.

Китай будет проводить курс на сближение с Россией и вовлечение ее в широкомасштабное сотрудничество, пытаясь завоевать симпатии не только политической, но и экономической и

интеллектуальной элиты. К 2024 г. оборот торговли может увеличиться до 200 млрд. долл., вдвое превысив уровень 2018 г. КНР также заявляет о приоритете укрепления с Россией взаимного доверия, то есть о создании нового качества отношений. Что достижимо, если партнеры избавятся от опасений, что отношения с Западом будут восстановлены за счет их двустороннего сотрудничества.

К середине 2020-х следует ожидать улучшения отношений Китая с Японией и Республикой Корея, расширения совместных проектов, в том числе в рамках китайской инициативы ПиП.

В Японии, третьей по экономическому потенциалу державе мира, также пробуждаются амбиции к самоутверждению в качестве глобального игрока. В период до 2024 г. там сохранятся обозначившиеся в последнее десятилетие тренды – доминирование в политике Либерал-демократической партии (ЛДП), выражающей интересы и настроения истеблишмента, адаптация социально-экономической системы к реалиям «стареющего» общества при ведущей роли высокотехнологического сектора, более активное использование внешней и оборонной политики для самоутверждения страны в глобальном масштабе.

Глава ЛДП и правительства страны Синдзо Абэ, вероятно сохранит за собой эти посты до окончания предельного срока партийного лидерства в августе 2021 г., что при отсутствии значительных внешних шоков обеспечит преемственную смену лидеров в рамках модели бессменности правления правоконсервативного мейнстрима. Новый лидер сохранит основную политическую повестку.

В предстоящие годы, по-видимому, следует ожидать активизации роли Японии в многосторонних торгово-экономических соглашениях и политических координационных платформах в АТР; более твердого отстаивания ее интересов на переговорах с США; закрепления в конституции страны права на вооруженные силы и их задействование в международных операциях.

Отношения с соседями по региону, включая Россию, будут характеризоваться сочетанием жесткости с готовностью к диалогу и сглаживанию противоречий дипломатической активностью.

Усилия *Республики Корея* в ближайшее пятилетие будут направлены на преодоление наследия авторитаризма, сохраняющегося в тесных неформальных (в том числе коррупционных) связях высшей бюрократии с крупнейшими частными корпорациями, а также на ограничение возможности истеблишмента злоупотреблять влиянием на восприятие обществом исторических и политических процессов. В повестке дня до 2022 г. - обеспечение максимальной открытости деятельности исполнительной и законодательной властей, реформа правоохранительной системы. Возможна замена одной пятилетней каденции президентских полномочий правом на два четырехлетних срока.

В социально-экономической сфере внимание будет сфокусировано на ликвидации или максимальном смягчении существующих дисбалансов: экономических (между крупным и малым бизнесом), демографических (между ростом числа пенсионеров и низким удельным весом молодежи), гендерных, территориальных (доминирование Сеула и окрестностей в

экономике, науке и культуре). Наибольшие трудности возникнут при решении демографических проблем и модернизации малого бизнеса.

Во внешней политике будет поэтапно реализовываться курс на повышение дипломатической роли РК как среднего по силе государства («middle power»), отстаивающего собственные приоритеты, а также интересы партнеров в двусторонних переговорах с глобальными игроками (США, Китай, ЕС) и в рамках международных организаций (ООН, G-20, АТЭС и др.). Сеул будет все настойчивее претендовать на самостоятельность в выборе внешнеполитических приоритетов. Это не означает отказ от союзнических связей с США, но может сделать отношения с США более сбалансированными. Отношения с Китаем будут эволюционировать в сторону прагматизма, с учетом интересов Пекина на Корейском полуострове. Наиболее острые проявления кризиса отношений с Японией могут быть сглажены, но их глубинные причины устранить не удастся. Отношения с Россией будут развиваться в рамках сложившихся многолетних тенденций, позитивно, без кардинальных изменений.

Наиболее трудным представляется комплекс отношений с КНДР, в решающей степени зависящих от способности последней к эволюции и модернизации. Действия Сеула будут определяться договороспособностью Пхеньяна, а также позициями и действиями США, КНР, России и Японии.

КНДР сохранит основы своего политического строя, экономической системы и внешней политики. Это делает маловероятным достижение договоренности об отказе страны от ядерного оружия в обмен на снятие санкций и экономическую помощь. Политические маневры вокруг этого вопроса будут продолжаться, однако несовместимость базовых позиций и противоречия между внешними акторами не позволят прийти к приемлемому для всех решению.

Страны **Юго-Восточной Азии**, объединенные в АСЕАН, будут двигаться разнонаправленно, но их главной целью останется поддержание внутренней стабильности. В большей части этих государств с высокой вероятностью сохранятся электоральные институты с использованием прямого контроля силовых структур для предотвращения выхода политической конкуренции за желаемые рамки.

Страны субрегиона будут демонстрировать относительно высокие темпы роста на основе бурной активности малого бизнеса и растущего интереса со стороны крупных транснациональных корпораций. Улучшению делового и инвестиционного климата будет способствовать участие четырех стран АСЕАН в запуске многосторонней платформы «Всестороннего прогрессивного тихоокеанского партнерства» (СРТРР, или ТРР-11), которая предусматривает доведение до согласованных с развитыми государствами норм, стандартов и правил внутреннего законодательства и практик в сфере трудовых отношений, охраны окружающей среды, прав интеллектуальной собственности, организации госзакупок и др. Росту взаимного товарооборота должно также способствовать ожидаемое в 2020 г. подписание соглашения о «Всестороннем региональном экономическом партнерстве» (RCEP) с целью унифицировать и снизить тарифные барьеры в торговле стран АСЕАН с шестью государствами, подписавшими в разное время торговые соглашения с ассоциацией –

КНР, Японией, Южной Кореей, Австралией, Новой Зеландией и Индией, участие которой в соглашении остается пока под вопросом.

Во внешней политике страны ЮВА, несмотря на сдерживающее воздействие практикуемого в АСЕАН принципа консенсуса, постоянно маневрируют между интересами обладающих большими возможностями партнеров, прежде всего КНР и США, а также Японии, России и Индии. В ближайшее пятилетие готовность к такому маневрированию, равно как и ассоциируемые с ним потенциальные выгоды, только возрастут.

В *Индии* в ближайшие пять лет правящая партия Бхаратия Джаната и ее лидер будут предпринимать усилия для стимулирования экономического роста и занятости, развития инфраструктуры и низовых институтов, преодоления социальных и региональных разрывов и дисбалансов. Символом курса будет программа развития обрабатывающей промышленности «Сделано в Индии». Вместе с тем проблемы индийской экономики, страдающей от недореформированности институтов и падения интереса к инвестициям в условиях замедляющегося роста, играют на руку Индийскому национальному конгрессу и другим оппозиционным партиям, имеющим шансы существенно улучшить свои позиции на предстоящих выборах в законодательные собрания.

Правящая партия будет стараться переключить внимание на проблемные территории и трения в отношениях с соседними Пакистаном и КНР, поощрять подъем «национального духа» и поддерживать имидж Н. Моди как архитектора стратегии повышения роли Индии в регионе и мире. Во внешней политике это приведет к поиску эффективных шагов, включая более тесные дипломатические и военные контакты с относительно новыми партнерами на формирующемся индо-тихоокеанском пространстве – Японией и Австралией, а также нащупыванию новой формулы отношений с США. Одновременно будет продолжена публичная активность для повышения профиля Индии в рамках многосторонних международных политических форматов – «Большой двадцатки», БРИКС, ШОС и др.

Научное издание

Россия и мир: 2024.
Экономика и внешняя политика.

Руководители проекта:
Дынкин Александр Александрович
Барановский Владимир Георгиевич

Ответственные редакторы:
Мачавариани Гиви Ираклиевич
Кобринская Ирина Яковлевна

ISBN 978-5-9535-0563-5

Подписано в печать 20.12.2019.
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Объем 5,5 п.л., 2,7 а.л. Тираж 299 экз. Заказ № 38/2019

Издательство ИМЭМО РАН
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23